

В. Ададуров
Украинский католический
университет (Львов)

ИСТОРИК И ПОЛИТИКА: ИЛЬКО БОРЩАК ВО ФРАНЦИИ В 1925–1928 ГГ.

Целью исследования является освещение теневой стороны биографии известного исторического публициста Илька Борщака (1894–1959) – его деятельности во Франции как сторонника украинской советской государственности. Отраженная в дополняющих друг друга материалах французских и советских органов госбезопасности (документы которых, как и часть личной переписки Борщака, вводятся в научный оборот впервые), политическая активность этого эмигранта анализируется под углом руководства им «Союзом украинских граждан во Франции» и газеты «Украинские Вести». Кроме ресурсов трех французских и четырех украинских архивов, важным источником исследования является политическая публицистика Борщака, в свете которой он предстает как идейный последователь национал-большевистского деятеля М. Скрыпника и, наоборот, яростный критик петлюровского движения, правительств Польши, Румынии и Великобритании. Особое внимание уделяется: связи Борщака с Иностранным отделом Объединенного государственного политического управления СССР; финансированию его деятельности советским режимом и образу жизни в Париже; отношению к убийству С. Петлюры; участию в освещении процесса С. Шварцбарда. В заключении рассматриваются обстоятельства и мотивы, побудившие Борщака к прекращению политической активности, основанной на украинско-большевистской идентичности гибридного типа.

Ключевые слова: эмиграция, Украинская Народная Республика, Украинская социалистическая советская республика, идентичность, евреи, процесс Шварцбарда, убийство Петлюры, Иностранный отдел Объединенного государственного политического управления, газета «Украинские Вести», Союз украинских граждан во Франции, Рене Мартель, Христиан Раковский, выдворение, полиция общей безопасности, Илько Борщак

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательской программы Гуманитарного факультета Украинского католического университета.

Цитирование: Ададуrow В. Историк и политика: Илько Борщак во Франции в 1925–1928 гг. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-297-339 // Французский ежегодник 2022. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 297-339.

Поступила в редакцию: 11.03.2021

Принята к печати: 01.06.2021

Vadym Adadurov

Ukrainian catholic university (Lviv)

HISTORIAN AND POLITICS: ÉLIE BORSCHAK IN FRANCE IN 1925–1928

The purpose of the study is to discover and analyze the shadow side of the biography of the famous historical publicist Élie (Il'ko) Borschak (1894–1959), namely his activities in France as a supporter of the Ukrainian Soviet statehood. The study of documents conserved in archives of the French and Soviet state security services (as well as of the part of Borschak's personal correspondence, which is involved into scientific circulation for the first time), is dedicated to the political activity of this emigrant and to his leadership of the Union of Ukrainian Citizens in France and of the newspaper *Les Nouvelles Ukrainiennes*. In addition to the resources of three French and four Ukrainian archives, an important source of this research was the political journalism of Borschak, who was an ideological follower of the National Bolshevik leader M. Skrypnyk and fierce critic of the Petliura movement, the governments of Poland, Romania and Great Britain. The particular attention is paid to Borshak's ties with the Foreign Department of the Soviet Joint State Political Directorate; the financing of its activities by the Soviet regime and the mode of his life in Paris; his relation to the assassination of Simon Petliura and his participation in the press coverage of Schwarzbard trial. Then the author examines the circumstances and motives that prompted Borshak to stop political activity based on the Ukrainian-Bolshevik identity of a hybrid type.

Keywords: emigration, Ukrainian People's Republic, Ukrainian Soviet Socialist Republic, Identity, Jews, Schwarzbard trial, murder of Petliura, Foreign Department of Joint State Political Directorate, newspaper "Les Nouvelles Ukrainiennes", Union of Ukrainian Citizens in France, René Martel, Christian Rakovsky, expulsion, Sureté Générale, Élie Borschak.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the research program of the Faculty of Humanities of Ukrainian catholic university.

Citation: Adadurov V. Istorik i politika: Il'ko Borschak vo Francii v 1925 – 1928 gg. [Historian and Politics: Élie Borschak in France in 1925-1928]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-297-339 // Annual of French Studies. 2022. T. 55. Moscow: IVI RAN, 2022. P. 297-339.

11 сентября 1927 г. в расположенном на парижской площади Бово бюро службы надзора над иностранцами полиции общей безопасности, более известной как Сюрте Женераль, происходила обыденная процедура бертильонажа в отношении лица, которое подлежало, согласно декрету министра внутренних дел от 9 сентября, выдворению за деятельность, враждебную национальным интересам Франции. Упомянутая процедура была аналогична той, которой подвергались уголовные преступники, и заключалась в фиксации антропометрических параметров субъекта путем его фотографирования, промеров и визуального описания. В этот раз ее применили в отношении политического беженца – мужчины невысокого роста (169 см.), упитанного телосложения, темного шатена с усиками того же цвета, тонкими губами, ямочкой на подбородке и слегка изогнутым силуэтом носа, карими, с желто-зеленой огранкой зениц, глазами. Фотография в фас запечатлела недовольный взгляд владельца этих глаз, фотография в профиль продемонстрировала его сутулость, которая соответствовала указанной в полицейской анкете профессии журналиста¹.

Пятью месяцами ранее, 8 апреля 1927 г., другой политический эмигрант – бывший глава правительства Украинской Народной Республики (далее – УНР), известный литератор В. Винниченко – набросал в своем дневнике портрет того же лица, с которым только что познакомился в Париже. Своим наблюдением Винниченко словно намеревался опровергнуть теорию Ч. Ламборозо о связи между внешностью и врожденной склонностью к противозаконному способу жизни:

«Человечек – скользкий, чистенький, с тонкими чертами лица, с маленькими темными усиками и даже порой симпатичной улыбкой.

¹ Étrangers détenus passibles d'expulsion: Notice individuelle Borschak dit Bartchak Élie, 11 septembre 1927 – Archives de la Préfecture de Police (далее – APP). Cabinet du préfet (далее – CP). Dos. 1 W art. 1180-59517. F. 1–2.

Еще одно доказательство, как иногда внешность совершенно не соответствует внутреннему содержанию»².

Эти хронологически близкие, хоть и созданные при столь разных обстоятельствах, описания, представляют нам облик публициста Илька Борщака, известного сегодня в качестве историка³, но отнюдь не как политического деятеля. В 1927 г. ему исполнилось 33 года, и он находился в расцвете своих физических и интеллектуальных сил, т. н. в возрасте Христа. Со времени прибытия во Францию в 1920 г., его дела постепенно налаживались, он приобрел известность как публикатор сенсационных материалов исторического характера на тему франко-украинских отношений и последовательный критик петлюровского движения с позиции «смены вех», то есть перехода на идеологическую платформу большевизма. Согласно рапорту комиссара полиции, «он обзавелся в Париже полезными связями и был весьма уверен в собственной безнаказанности». Вследствие отсутствия проблем в отношениях с французскими властями (вид на жительство под № 115.313 ему продлили без замечаний 8 февраля 1926 г.⁴), он напрочь утратил бдительность. Но не перестал быть объектом пристального внимания со стороны полиции, полагавшей, что «с точки зрения интересов национальной безопасности, этот иностранец с момента своего прибытия во Францию не переставал играть самую подозрительную роль»⁵.

Чтобы разобраться в обстоятельствах выдворения, о котором Борщак, лелеявший свой образ франкофила, позднее старался не вспоминать, следует обратиться к событиям трех предыдущих лет и документам спецслужбы совершенно иной страны, а имен-

² Винниченко В. Щоденник: у 4 т. Т. 3. К., Едмонтон, Н.-Й., 2010. С. 334.

³ См.: Ададуров В. Народження одного історичного міту: Проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Илька Борщака // Україна модерна. Ч. 9. К., Львів, 2005. С. 212–236; Ададуров В. Украинский казак на службе Людовика XV, или польский шляхтич на службу двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике // ФЕ 2014. М., 2014. С. 269–305; Adadourov V. La création d'un mythe ukrainien sur Napoléon dans les travaux d'Élie Borschak et le fonctionnement de ce mythe dans le discours historique en Ukraine // Attentes et sens autour de la présence du mythe de Napoléon aujourd'hui / Direction de J.-D. Poli. Ajaccio, 2012. P. 89–96.

⁴ Extrait d'un rapport du commissaire de police № 261.208, 6/X/1926 – Dos. № 273.722 (Gallp) – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁵ A. S. de Bartchak qui sollicite le retrait de l'arrêté d'expulsion contre lui, 11 octobre 1927 – Archives Nationales (далее – AN). Cabinet du directeur général de la Sureté Nationale (далее – CDG). Fichier central et Archives générales (далее – FC). Dos. 19940434/98. F. 5; Bortchak Élie, dit Borschak, réfugié russe, expulsé. Le retrait arrêté d'expulsion, 8 mai 1935 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

но Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления СССР (далее – ИНО ОГПУ). После дипломатического признания Францией СССР (28 октября 1924 г.) и последовавшего открытия советских дипломатических и торгово-финансовых представительств в Париже, заметно возрос интерес чекистов к эмигрантам во Франции. Не стала исключением и «украинская линия работы», которая велась с целью дискредитации и ослабления националистического движения, воспрянувшего духом после переезда в Париж в конце 1924 г. главного атамана УНР С. Петлюры. Один из агентов ОГПУ во французской столице в те дни докладывал:

«В Париже еще долго виднелся украинский флаг на улице Лаперуз (где в 1919–1921 гг. жила делегация УНР на Парижской мирной конференции. – В.А.), но затем петлюровцы перешли на негласное положение, и о них мало было слышно; за последнее время, в связи с превращением Франции в главный центр эмиграции, опять усилилась агитация петлюровцев, выразившаяся и в издании журнала “Тризуб”»⁶.

В аналитических документах советской спецслужбы отмечалось, что во Франции находится свыше 40 тыс. эмигрантов-украинцев, большая часть которых работала на производстве, транспорте, добыче ископаемых. Их постоянное пребывание во французской пролетарской среде благоприятствовало разрыву с петлюровской, интеллигентской общественностью. Этому процессу немало поспособствовала и негативная реакция эмигрантов из Западной Украины на соглашательскую политику Петлюры в отношении Польши. Все это вместе создавало предпосылки к подведению под «советскую украинскую работу» постоянной институциональной основы. В докладной записке председателя ГПУ УССР т. Балицкого сообщалось, что «организация, названная “Союзом украинских граждан во Франции” (СУГУФ), была создана постановлением общего собрания инициативной группы 11 января 1925 г. 18 января 1925 года устав СУГУФа был утвержден французским правительством»⁷.

В тот день, 11 января 1925 г., в номере гостиницы «Атлантическая» в первом округе Парижа собрался 31 делегат от украин-

⁶ Донесение агента ИНО ОГПУ, 29 апреля 1926 г. – Головний державний архів Служби зовнішньої розвідки України (далее – ГДА СЗРУ). Ф. 1. Спр. 12617. Т. 16. Арк. 208.

⁷ Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору о «Союзе украинских граждан во Франции» (СУГУФ) и «Украинских Вистях» - ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 6738. Т. 1. Арк. 265.

ских общественных и профессиональных организаций. В докладе инициативной группы речь шла о том, что «Союз украинских граждан во Франции» – это легальная организация украинцев и украинок, признающих себя гражданами суверенной Украинской социалистической советской республики» (далее – УССР). Тринадцатым под протоколом учредительных сборов свою подпись поставил И. Борщак⁸. Видимо этим обстоятельством и объясняется 13-й номер его членского билета в СУГУФе⁹. Этот порядковый номер несколько не соответствовал его реальному положению в организации, на общих сборах которой 15 февраля 1925 г. Борщак был избран ее генеральным секретарем¹⁰. На изначальную главенствующую роль Борщака в СУГУФе указывало то, что и место проведения сборов, и юридический адрес организации соответствовали его личному месту жительства: Париж, ул. Ж.-Ж. Руссо, 18. Став функционером, он предупредил своих украинских издателей о намерении временно отойти от занятий историей. При этом успокаивал их тем, что «активная деятельность в политической сфере не может повредить исторической работе – ибо они у меня параллельные»¹¹.

Генеральный секретарь СУГУФа

Кроме Борщака, в состав центрального президиума СУГУФа вошли активисты М. Норич-Диковский, Д. Ячминский, Н. Волошин, А. Шекун и П. Левадько. Вскоре выяснилось, что подбор кадров оказался неудачным и центральный президиум фактически раскололся на две враждующие фракции. Одна, контролирующая аппарат организации, состояла из Борщака, Норича, Ячминского, другая часть президиума оказалась в оппозиции. По сведениям председателя ГПУ УССР Балицкого, «борьба между этими людьми приобрела совершенно уродливые формы и привела к тому, что они начали выбрасывать друг друга из организации. Затем вторая группа перенесла споры в филии, что затормозило развитие организации»¹².

⁸ Протокол загальних зборів українських громадян у Франції, 11 січня 1925 р. // Центральный державний архів зарубіжної україніки (далее – ЦДАЗУ). Ф. 48. Оп. 1. Спр. 99. Арк. 13.

⁹ ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр. 19. Арк. 3.

¹⁰ Протокол загальних зборів СУГУФу, 15 лютого 1925 р. – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр. 99. Арк. 16.

¹¹ І. Борщак – І. Кривецькому, 30 травня 1925 р. – Центральный державний архів України у Львові (далее – ЦДАУЛ). Ф. 309. Оп. 1. Спр. 984. Арк. 38зв.

¹² Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору. Арк. 266.

Извечный гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» для членов СУГУФа оказался связанным с их личной самоидентификацией, а именно: являлся ли эта организация в первую очередь большевистской (ориентированной на идею союза советских республик) или же – украинской, то есть выступающей за независимость и суверенность республики. Об этих двух идентичностях речь шла в уставе организации и каждый участник мог судить о ее принципах самостоятельно, на свой вкус. Для большинства членов СУГУФа важно было увидеть в его программных документах подтверждение того, что его целью является «объединение украинцев обоих полов на основе полноты этнографических территорий Украины, суверенитета и независимости украинского народа». Однако, по мнению французской полиции, за этим внешним фасадом скрывалось намерение советского правительства в Харькове, которое обещало (и это также было закреплено в уставе) членам Союза «материальную и моральную помощь», перетянуть на свою сторону эмигрантов и подтолкнуть их к репатриации, что выбило бы социальную почву из-под враждебных советской власти организаций. Заинтересованным лицам предлагалось заполнить анкету, подписать декларацию о фактическом избрании советской идентичности и получить членский билет СУГУФа с гербом УССР на обложке – своеобразную аттестацию к последующему принятию советского гражданства. Неофит-подписант признавал, что единственной государственной формой существования украинского «трудового народа является советская республика»¹³.

Острый конфликт вспыхнул уже весной 1925 г. по вопросу отношения к созданному в Париже «Союзу студентов СССР», в который, как предусматривалось его уставом, на автономных правах должны были вступить национальные объединения студентов советских республик. Такое сообщество существовало и при СУГУФе, его руководителями являлись Норич и Волошин. И если первый высказался за сотрудничество на общесоюзных принципах, то второй был настроен категорически против. Последнее слово в конфликте сказал старший и более опытный товарищ Борщак и слово это было не в пользу националистической платформы. Один из зарубежных агентов ОГПУ сообщал:

---

¹³ A. S. de Bartchak qui sollicite le retrait de l'arrêté d'expulsion contre lui, 11 octobre 1927. F. 3-4.

«БОРЩАК собрал управление Студ. Укр. Союза и попытался им объяснить, что надо идти рука об руку с другими советскими организациями. НОРИЧ согласился с ним, ВОЛОШИН был против. При таких условиях работать нельзя было. Произошел разрыв. ВОЛОШИН, потерявший окончательно равновесие, а человек он вообще очень неуравновешенный, начал кампанию против СУГУФа. Все это ни к чему не привело. Общее собрание не поддержало ВОЛОШИНА, последний тогда кинулся в сторону интернационализма и начал обвинять президиум СУГУФа уже не в “русофильстве”, как в 1925 г., а наоборот в “национализме”»¹⁴.

После периода нестабильности, в течение которого СУГУФ покинули не только отдельные лица, но и целые филиалы, наметился переход к результативной работе, ставший следствием назначения в конце 1925 г. советским послом в Париже бывшего главы украинского большевистского правительства, сторонника Л. Троцкого – Х. Раковского. С ним Борщак был лично знаком еще по Лозаннской конференции 1922 г., куда приезжал с предложением о взаимовыгодном сотрудничестве¹⁵. Переход к решительным методам борьбы с украинскими антисоветскими элементами ощутили в первую очередь сторонники Петлюры. Согласно мнению одного из них, «в Париже Раковский организовал центр украинской разведки, здесь масса шпииков и провокаторов, просачивающихся под разными видами в наши организации»¹⁶.

В 1926 г. произошла переагрузка и СУГУФа. 3 июня на общем собрании представителей от существовавших на тот момент четырех секций был утвержден новый состав центрального президиума из одиннадцати лиц пробольшевистских взглядов. Место Борщака во главе президиума осталось неизменным, более того он получил подконтрольное большинство в этом органе. В отчете комиссара полиции он назван «истинным вдохновителем» СУГУФа¹⁷. Результатом стала заметная политизация организации, которая попыталась воспользоваться психологическим эффектом убийства 25 мая 1926 г. С. Петлюры и начала «живую

¹⁴ Донесение агента ИНО ОГПУ, 28 июля 1927 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 12617. Т. 14. Арк. 287.

¹⁵ [Borschak É.] Note sur les pourparlers du Comité d'action ukrainien de Paris avec les délégués soviétiques à Lausanne – AN. CDG. FC. Dos. 19940448/32. F. 1–6.

¹⁶ Донесение агента ИНО ОГПУ, 22 августа 1927 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 12617. Т. 14. Арк. 287. Арк. 308.

¹⁷ Extrait d'un rapport du commissaire de police, 15 décembre 1926 – Dos. № 36.383 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

акцию против украинцев пропольской ориентации в столице и против правительства маршала Пилсудского, обвиняя его в желании присоединить Украину к Польше». Французская полиция отмечала заметную активизацию украинцев на почве пропаганды идей большевизма, без которой больше не обходилось ни одно мероприятие СУГУФа. Например, существовавший уже некоторое время в этой организации Союз украинских водителей в июне 1926 г. был переименован в «большевистский». Ему поставили задачу вести «борьбу с белыми объединениями русских и украинских водителей, которые, если в их гаражах происходит забастовочное движение, приказывают своим членам не принимать в нем участие»¹⁸.

Идеологический поворот был связан с назначением кураторами СУГУФа заведующего парижским отделением «Московского народного банка LTD» и по совместительству неофициального представителя УССР во Франции А. Полоцкого, а также резидента ИНО ОГПУ в Париже Ермака¹⁹. На причастность советских структур к реорганизации СУГУФа указывало то, что проведенное СУГУФом весной 1926 г. с широким размахом празднество в честь Т. Шевченко – выступление хора и бал – происходило в зале садовых экспозиций на ул. Гренель, 84, поблизости от советского посольства (ул. Гренель, 79), оплатившего, по-видимому, аренду помещения. В идее мероприятия, участие в котором приняли около 250 лиц, прослеживается почерк Борщака, намеревавшегося привлечь новых членов в свою организацию – праздник должен был соответствовать вкусам украинских эмигрантов и, одновременно, символизировать их приближение (и пространственное, и мировоззренческое) к светлому советскому будущему. В рапорте комиссара полиции об этом мероприятии говорилось:

«Перед началом концерта г. Барчак произнес доклад о значимости жизни Шевченко и напомнил, что тот боролся за независимость Украины, ... а ныне великая красная Украина, входящая в состав СССР, хранит свой дух независимости и окажет свою поддержку любым действиям галицких украинцев, направленным на освобождения из-под польского гнета и занятие ими своего места в Украинском государстве: “Я надеюсь, что все украиноязычные славяне вскоре воссо-

¹⁸ A. S. de Bartschak qui sollicite le retrait de l'arrêté d'expulsion contre lui, 11 octobre 1927. F. 4.

¹⁹ Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору. Арк. 266.

единятся и создадут одно пролетарское государство в составе СССР” (этот доклад вызвал бурные аплодисменты)»²⁰.

Численность членов СУГУФа выросла и к октябрю 1926 г. насчитывала 518 членов, сгруппированных в тринадцать филиалов²¹. Ведущую роль играл президиум, регулярно собиравшийся на ул. Ж.-Ж. Руссо под руководством «товарища дохтора» (как по-простонародному обращались к Борщаку рабочие-эмигранты²²). Один из членов президиума являлся информатором Сюрте Жернваль. Его регулярные отчеты позволяют оценить роль Борщака как лидера украинских эмигрантов большевистской ориентации. У французской полиции не было и тени сомнения в том, что Борщак являлся душой этого средоточия большевизма в Париже: «Он принимает участие во всех заседаниях этой организации и частенько выступает в интересах советского режима», – говорилось в одном из рапортов²³.

На протяжении 1926 г. выступления Борщака изобиловали риторикой революционного толка по поводу классового объединения угнетенных панской Польшей украинских трудящихся с их классовыми собратьями-поляками (2 октября); грядущего кризиса буржуазии и неизбежных выступлений трудящихся во Франции вследствие инфляции франка (12 декабря); критики контрреволюционных наклонностей украинских крестьян, частнособственнические инстинкты которых использовались петлюровцами для возбуждения их недовольства советской властью (25 сентября)²⁴. Сборы президиума СУГУФа проводились в соответствии с советской моделью пропагандистских мероприятий. Центральное место занимали доклады Борщака, анализировавшего актуальные проблемы противостояния с международным капитализмом, в частности в Китае, отношениям между СССР и Великобританией (2 марта 1927 г.)²⁵.

Весной 1927 г., когда в выступлениях западных политиков усилилась риторика военного конфликта с СССР, пропагандистская деятельность СУГУФа сосредоточилась на разжигании антивоен-

²⁰ Rapport du commissaire, 6 avril 1926 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F.356.

²¹ A. S. de Galip, Paris, octobre 1926 – AN. CDG. FC. Dos. 19940448/32. F. 2.

²² Т. Грицик – І. Борщаку, 2 липня 1925 р.– ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр, 20. Арк. 6.

²³ A. S. de Bartchak qui sollicite le retrait de l’arrêté d’expulsion contre lui, 11 octobre 1927. F. 4.

²⁴ Ibid. F. 4–5.

²⁵ Эти тексты издавались как фельетоны на злобу дня в ближайших номерах редактированного Борщаком периодического органа СУГУФа: *Борщак І. Лондон, Пекін і СРСР // Українські Вісти. № 24. 16 квітня 1927.*

ных настроений среди рабочих во Франции, а также в Польше, для чего руководителям секций была поставлена задача осуществлять агитацию на предприятиях среди французов, а тем членам организации, которые имели родственников в Галиции, разъяснять в письмах сущность намерений мирового империализма и просить их вести антивоенную агитацию; предполагалось даже поручить некоторым членам Союза вступить на службу в польскую армию, с целью ее идеологического разложения изнутри²⁶.

Пропагандистская деятельность СУГУФа приобрела особо интенсивный характер в отношении незаконного характера польской власти над Западной Украиной. Речь шла о практической реализации директивы ОГПУ о «заострении украинской работы» на польском направлении: «Франция – союзница Польши и обработка общественного мнения Франции (в том направлении, что Польша имеет захватнические планы в отношении Украины, что она угнетает и подавляет украинское национальное меньшинство на своей территории и что в этом французское правительство помогает авантюристическому польскому правительству) – наиболее важный момент в работе в Париже»²⁷.

Выступая 12 марта 1927 г. на организованной в парижском Зале ученых обществ по ул. Дантона, 8, конференции с участием бессарабских, польских, литовских, украинских и французских коммунистов с докладом, приуроченным к четвертой годовщине аннексии Польшей западно-украинских земель, Борщак охарактеризовал это событие как «истинную трагедию, несправедливость и унижение для украинцев». Он убеждал, что ситуацию можно обратить вспять, ведь «большевистское украинское государство прилагает все усилия, чтобы освободить галичан от польского гнета и уже можно предвидеть, что настанет время, когда Польша будет вынуждена предоставить Галицию ее судьбе; я был бы счастлив, чтобы антипольский протест прошел в Париже, поскольку именно в этой столице [в 1923 г.] было принято несправедливое решение по Галиции»²⁸.

На сборах центрального президиума СУГУФа 7 мая Борщак, зачитав письмо поддержки от центрального комитета австрийской компартии, осудил английских империалистов, вынашивав-

²⁶ A. S. de Bartchak qui sollicite le retrait de l'arrêté d'expulsion contre lui, 11 octobre 1927. F. 4-5.

²⁷ Дело русской эмиграции во Франции, № 6556, 26 июня 1929 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 6738. Т. 1. Арк. 2.

²⁸ BORTCHAK, 13 mars 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 342-1.

ших вместе с Пилсудским планы антибольшевистского восстания на Украине, чтобы «создать еще одно государство-прокладку на границе между Советской Конфедерацией и Европой». Он также выразил обеспокоенность благоприятным отношением к этим намерениям со стороны французского правительства. Его вывод был следующим: чтобы свести на нет происки империалистов против украинского народа, следует организовать массовые антивоенные протесты европейского пролетариата. Он также пообещал предоставить конкретные инструкции по этому поводу. Откуда он получал эти инструкции, у французской полиции не было сомнений. В качестве примера его зависимости от советских властей, приводилось выступление Борщака 23 января 1927 г. на организационной конференции «Юридическо-экономического общества граждан СССР во Франции»²⁹, на которой лично присутствовал посол Раковский. Заявив о присоединении украинских большевиков во Франции к новому объединению, Борщак высказал надежду, что не за горами то время, когда СССР освободит Галицию и Буковину.

Состоявшийся в Париже 17 апреля 1927 г. Первый съезд СУГУФа, несмотря на принятое его участниками обращение к французской нации с благодарностью за ее радушие по отношению к украинским эмигрантам, проголосовал от имени 1400 членов за резолюцию, декларировавшую: поддержку украинскому советскому государству; надежду на освобождение девяти миллионов украинцев из-под польского, румынского и чехословацкого гнета еще до 10-й годовщины Октябрьской революции; осуждение британского империализма (из осторожности о французском речь не шла) и последователей Петлюры, которые не оставляли надежды на ниспровержение советской власти путем иностранной интервенции и внутренних восстаний в Украине³⁰. Пункты резолюции были представлены съезду Борщакком, как генеральным секретарем организации.

Примечательно, что оценка съезда СУГУФа со стороны Сюрте Женераль совпала со мнением о нем ИНО ОГПУ. Чекисты отмечали, что у большинства членов организации наблюдалось весьма бодрое и, даже, приподнятое настроение, а некоторые, считая, что скоро разразится война, выражали готовность вступить в ряды Красной армии³¹. О трансформации СУГУФа в массовую органи-

²⁹ Приглашение на имя И. Борщака, 23 февраля 1927 г. – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр. 19. Арк. 7.

³⁰ BORTCHAK, 13 mars 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 5–6.

³¹ Украинцы в Париже. Аналитическая записка ИНО ОГПУ, 28 июля 1927 г. Арк. 287.

зацию свидетельствовали такие новые направления его деятельности как открытие после съезда курсов ликвидации неграмотности, общей политподготовки, профессиональных школ водителей, маляров, слесарей, на которые записывались и рабочие других национальностей (поляки, чехи, белорусы), попадавшие таким образом под советское идеологическое влияние. В записке ИНО ОГПУ о съезде 17 апреля отмечалось, что на нем были представлены 22 филиала, действовавшие в промышленных районах не только Франции, но и также Бельгии и Люксембурга, «что указывало на необычайную популярность и жизненность советских лозунгов, брошенных в укр. эмигрантские массы. СУГУФ оказался самой сильной, самой жизненной советской украинской организацией за границей»³².

Речь шла о фактическом признании эффективности работы по линии украинской эмиграции во Франции. Не последнюю роль в этой работе играл Борщак, оказавшийся на вершине видимой стороны СУГУФа.

Главный редактор «Украинских Вестей» в Париже

На одной из фотографий Борщак запечатлен еще молодым, но уже с испещренным морщинами челом, в добротном костюме с платочком в нагрудном кармане, накрахмаленной рубашке, кокетливом галстуке-бабочке, с аккуратно выстриженными на висках и расчесанными назад волосами и тоненькими усиками. Он пристально всматривается в газету с заголовком «Украинские Вести» (далее – У.В.)³³. Но в упомянутую газету вчитывался не только Борщак – немало внимания этому периодическому органу СУГУФа уделено в документах ИНО ОГПУ: выход ее первого номера 1 мая 1926 г. в одном из них получил оценку как «крупное событие для украинской эмиграции». Эта четырехстраничная полноформатная газета с французским подзаголовком *Les Nouvelles Ukrainiennes* издавала материалы на украинском и французском языках. Необходимость организации в Париже такой газеты, которую, вопреки указанной в ее шапке цене 0,75 сантимов, нередко раздавали участником различных мероприятий СУГУФа, была очевидной для советской спецслужбы на протяжении длительного времени и расценивалась в качестве необходимого шага «в

³² Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору. Арк. 266.

³³ ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 3. Спр, 1. Арк. 2.

деле советизации украинских рабочих масс во Франции, а также в деле контрагитации против белогвардейской петлюровской пропаганды»³⁴.

Передовица первого номера У.В. обозначила целью газеты предоставление «среднему эмигранту, далекому от политиканства лидеров», новостей с родины не из рук вождей-мошенников («разных петлюровцев, шаповаловцев, гетьманцев»), а так сказать из первых рук:

«Заполнить этот пробел, помочь читателю узнать сущность УССР – вот главное задание нашего журнала. И в первую очередь страницы “Украинских Вестей” будут посвящены истинной информации про всестороннюю жизнь украинского советского государства и в полной мере информации из жизни братских республик, создающих могучий СССР».

В то же время газета собиралась учитывать интересы западных украинцев, составлявших основную часть эмигрантов во Франции, и подпитывать надежду на «соединение с единственным существующим украинским государством – УССР», разоблачая ложь польских, румынских и чехословацких властей. Еще одна задача состояла в благоприятствовании «культурному сближению Украины с Францией, где до сих пор нас так мало знают»³⁵.

Автором передовицы был не кто иной, как Борщак, которого назначили главным редактором У.В. Он с 1926 г. имел официальный статус корреспондента органа советских организаций во Франции «Наш Союз» (Notre Union 1926–1957)³⁶, а также сотрудничал по линии дискредитации лидеров украинских антибольшевистских партий с газетой французских коммунистов *L'Humanité*³⁷. Борщак стал официальным лицом У.В., но был у этого издания и негласный вдохновитель: «Общим политическим руководителем газеты и организации в то время был тов. Полоцкий». Благодаря регулярным субсидиям для главного редактора и других сотрудников газеты от возглавляемого А. Полоцким парижского филиала «Московского народного банка», с середины 1926 и до середины 1927 г. развитие СУГУФа и популяризация газеты У.В. шли макси-

³⁴ Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору. Арк. 266.

³⁵ [Борщак Л]. Від Редакції // Українські Вісти. № 1. 1 травня 1926.

³⁶ Борщак І. Некролог Т. Г. Вешапели // Українські Вісти. № 4. 11 червня 1926.

³⁷ A. S. du nommé Bortchak dit Borschak Élie, № A-2339 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 129-4.

мальным темпом. Так, У.В. цитировались крупными европейскими органами, к их голосу прислушивались во всех центрах украинской эмиграции в Европе и Америке³⁸.

В противовес петлюровскому «Тризубу», который Борщак в насмешку именовал «беззубым»³⁹, его орган дерзко позиционировал себя как «единственную украинскую газету во Франции»⁴⁰. К сотрудничеству с У.В. были привлечены такие украинские «сменовеховцы» как А. Галип, А. Севрюк, М. Норич-Диковский (этот студент формально исполнял роль казначея газеты, но реально все средства проходили через руки Борщака)⁴¹, а также эмигранты из Западной Украины, например В. Панейко. Однако большая часть материалов печатались без указания их авторов или же под псевдонимами. Часть этих заметок и фельетонов тоже написал Борщак. В пользу такого предположения говорит следующий упрек со стороны А. Севрюка:

«Второй номер У.В. как по мне – хорош. Мне кажется только, что лучше если бы больше статей были подписаны... Ваше прекрасное исследование о польском наступлении [1920 г.] в международной политике, почему Вы его не подписали?»⁴²

Вероятно, Борщак не стремился выпячивать свою активность на тернистой стезе советской пропаганды. Однако его связь с советскими представительствами в Париже скрыть было невозможно: по данным Сюрте Женераль, весной 1926 г. он несколько раз получал денежные суммы в помещении советского посольства. Встревоженный тем, что его частые визиты могли вызвать подозрение, он стал каждый месяц приходить за зарплатой в 3000 франков в «Московский народный банк» на ул. Вивьен, 25, с чеками, завизированными А. Полоцким⁴³. Роль Борщака, как политического журналиста, демонстрирует серия его статей в УВ. В идейную связку их объединяет намерение автора сочетать украинскую и советскую идентичности. Некоторые из этих текстов производят

³⁸ Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору. Арк. 266.

³⁹ [Борщак Л.] Як О. Шульгін рятував Україну в Генуї. (З недавнього минулого) // Українські Вісти. № 5. 1 липня 1926.

⁴⁰ [Борщак І.] «Ле Монд Сляв» і Україна // Українські Вісти. № 18. 15 лютого 1927.

⁴¹ А. Галип – І. Борщаку. 17 серпня 1926 р. – Bibliothèque universitaire de langues et des civilisations (дальше – BULAC). Archive de Borschak (дальше – АВ). Boite 14. U. F. 1 118 (12).

⁴² О. Севрюк – І. Борщаку, 26 травня/1926 р. – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 76. Арк. 8.

⁴³ Note de renseignements sur Borschak Élie et Sevriuk Alexandre, 16 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 213-1.

впечатление формальных, они очевидно являлись обработкой спущенных из советского посольства тезисов, однако были и такие, в которых отобразились эмоции и чаяния самого Борщака. Историки никогда не анализировали их, а между тем они содержат подсказки к пониманию идентичности их автора. Нетрудно заметить, что основное место в его политической публицистике занимало международное положение УССР, а среди внутренних тем доминировала политика украинизации в вопросах языка, правописания, литературы, истории, прессы, научных институций. Как типичный пропагандист, Борщак ни словом не обмолвился о негативных явлениях советской действительности, а все проблемы приписывал поползновениям империалистов и мировой контрреволюции. Он рьяно опровергал утверждения «вражеских голосов» о фальшивом характере украинизации, «лежащей в основе самой национальной политики Соввласти, той власти, которая впервые в мире провозгласила и проводит в жизнь принцип самоопределения народов»; отрицал уничтожение украинской интеллигенции, «лояльно работавшей над возрождением Украины», и считал закономерным, что «лишь та интеллигенция, которая пошла с врагами украинского трудового народа и интервентами, сама себя политически изничтожила»; аргументировал историческими примерами безосновательность утверждений об антиукраинской роли Харькова, который, по мнению Борщака, скоро уступит столичный статус Киеву, которому суждено стать столицей единой Украины от Карпат до Кубани («Париж тоже не всегда был столицей Франции!»); путем абсурдного сравнения с французской ситуацией опровергал мнение о контролируемом большевистским государством характере украинской науки:

«А Французская академия – имеет ли она в своем распоряжении столько зданий, как Украинская? Или правительство Франции отпускает уважаемому учреждению Ришелье и Мазарини столько денег, как теперь нашей академии? Или во французской прессе так носятся с академией, как в советской с Киевской академией?»⁴⁴.

Соотношение национальных и большевистских элементов в тогдашнем политическом лексиконе Борщака было сдвинуто в сторону советской идеологии. Главный редактор У.В. весьма последовательно изымал из присылаемых материалов т.н. «националистические уклоны», что вызывало у их авторов – по преимуществу бывших деятелей УНР – вполне объяснимое раздражение:

⁴⁴ [Борщак Л]. «Ле Монд Сляв» і Україна // Українські Вісти. № 18. 15 січня 1927.

«Написал артикул про украинизацию... Не знаю, поместили уже [в ближайший номер статью] о дерусификации. Считаете, что следует опустить фразу о “московских задрипанцах”? Если хотите – опустите это предложение, но оставьте про гегемонию украинской культуры, ибо это писал Затонский, председатель Совнаркома»⁴⁵.

Впрочем, классифицировать Борщака как безоглядного апологета СССР также не приходится. У него имелось свое понимание интересов Украины, которое не всегда совпадало с официальным. Выступив с критикой «русотяпской газеты “Известия”» по поводу ее сообщения, что «уполномоченный Чека едет на Украину, чтобы укротить сепаратизм», Борщак возмутился:

«Что бы не писали отдельные писаки в “Известиях”..., следует раз и навсегда понять, что не может быть и речи ни о каком украинском сепаратизме, как и вообще о каком-то другом сепаратизме в СССР. Поскольку Украина является свободной, суверенной, самостоятельной республикой, которая добровольно, без принуждения вступила в СССР и которая, согласно союзному договору, всегда может выйти из союза, как вышла во время мировой войны Италия из Тройственного союза»⁴⁶.

Идентичность Борщака оставалась украинской, но его понимание национального вопроса формировалось через критику и идейную деконструкцию опыта событий 1917–1921 гг. Четким маркером его взглядов стало убийство Петлюры, которое он назвал в третьем номере У.В. логичным финалом «всей системы и атмосферы, созданной вокруг бывшего Главного Атамана, оставившей ужасные следы по тем еврейским городам и местечкам, где прошла атаманина»⁴⁷. Осуждая поступок С. Шварцбарда как пример морально недопустимого индивидуального террора, Борщак назвал его бессмысленным, поскольку «украинская история уже вынесла свой приговор Петлюре и его политике», и решительно отрицал, что «в смерти Петлюры виновны большевики, или даже украинцы советской платформы, проживающие во Франции». Он также отбросил обвинения в своей личной причастности к этому делу, поскольку «боролся с Петлюрой не как с частным лицом, а как спикером польско-румынской экспансии

⁴⁵ О. Севрюк – І. Борщак, 25 липня 1926 р. Письмо предоставлено директором Библиотеки им. О. Ольжича в Киеве А. Кучеруком.

⁴⁶ [Борщак І]. Кампанія проти УСРР // Українські Вісти. № 9. 1 жовтня 1926.

⁴⁷ [Борщак І]. Вбивство 25 травня // Українські Вісти. № 3. 1 червня 1926.

на Украину, идеологом куркульства и представителем движения, направленного либо явно, либо через натравливание чужеземных империалистических сил против крестьян и рабочих Украины».

Вслед сенсационным упрекам по адресу У.В., их редакцию на ул. Ж.-Ж. Руссо, 18, посетил репортер парижского бульварного *Le Petit Journal*. Он застал Борщака в «простом гостиничном номере, превращенном в рабочий кабинет»:

«Друзья Петлюры считают, что этот поступок был совершен под влиянием украинской советской пропаганды, которой ваша газета... – Позвольте, – прервал редактор У.В., весьма известный историк Илья Борчак, – мы не являемся большевиками в смысле, в котором вы привыкли слышать, и мы не ведем никакой политической пропаганды. Друзья Петлюры полностью заблуждаются, приписывая нам часть моральной ответственности, какой незначительной она не была бы, в убийстве, которое мы полностью осуждаем»⁴⁸.

Обвинения, угрозы и внимание прессы не на шутку встревожили Борщака. Он опасался, что ролью У.В. в резонансном преступлении заинтересуется французская полиция. Свои страхи он излил в письме к А. Севрюку, который, в свою очередь, обеспокоился из-за опубликованного в первом номере У.В. своего фельетона, в котором говорилось о том, что «петлюровские чубатые атаманы проявили свою ловкость только в еврейских погромах»:

«Я получил Ваше письмо от 28 мая. Прочитал уже Ваше интервью в *Petit Journal*. Действительно морока, “не мала баба хлопоту”. Следствию будет нетрудно установить, что Вы здесь ни при чем, но глупо выйдет, если они все же будут сбрасывать какую бы то ни было моральную ответственность на У.В. Не зашла ли речь о моей статье “Лицемерие украинской эмиграции”? Там упоминаются сии погромы»⁴⁹.

Парадоксально, но французская полиция не стала разрабатывать по горячим следам версию о связи между убийством Петлюры и пропагандистской деятельностью У.В. К ней вернулись только через 16 лет, во времена немецкой оккупации, когда была предпринята попытка исследовать активность советских спецслужб во Франции, в том числе и в борьбе с украинскими националистическими организациями. Попытка оказалась безуспешной по причи-

⁴⁸ L'assassinat de Petlioura. L'Enquête de la police conclut à un crime isolé: Aux «Nouvelles Ukrainiennes» – *Le Petit Journal*. № 23142. 27 mai 1926.

⁴⁹ О. Севрюк – И. Борщак, 28 травня 1926 р. Письмо предоставлено А. Кучеруком.

не отсутствия комплекта У.В. в парижских библиотеках⁵⁰. Контент У.В., сохранившийся в виде вырезок, сделанных Борщакком для личного архива⁵¹, позволяет установить, что он принял деятельное участие в популяризации тезиса о справедливом характере мести Шварцбарда за антиеврейские погромы, учиненные петлюровцами. В марте 1927 г. он получил от украинского пролетарского писателя М. Ирчана, проживавшего в Канаде, изданные им в 1923 г. в Нью-Йорке мемуары «Трагедия первого мая»⁵². Пересказывая воспоминания Ирчана об участии в походе 1920 г. Пилсудского и Петлюры на Украину, Борщак привел перечень осуществленных под заглушающие крики жертв украинские патриотические мелодии убийств, изнасилований и грабежей евреев, побудивших шокированного ими автора, «верного сына своего народа», осудить экзальтированный национализм: «Плюю на все! Отныне больше я не украинец!».

Этот текст Борщак дополнил свидетельствами жертв погромов, собранными в 1926 г. во время поездки в Украину корреспондентом газеты *Quotidien* Б. Лекашем, евреем-эмигрантом из Одессы. И Борщак не был бы самим собой, если не прибег бы к историческим параллелям:

«И припомнилась нам третья книжка, которую сегодня можно отыскать разве что в крупных библиотеках. Воспоминания заславского еврея с Волыни, Натана Ганновера, вышедшие в Венеции в 1653 г. и рассказавшие тогдашнему культурному миру о погромах времен восстания Хмельницкого. И страшные тоска и возмущение охватывает тебя при мысли, что 300 лет прогресса прошли незамеченными для людей, считавших себя социалистами».

По убеждению Борщакка, моральная и юридическая ответственность за погромы ложилась не на Украину и ее народ, а на отвратительную «систему правления, создавшую целую идеологию атаманщины, одним из основных элементов которой являлся антисемитизм.... Это она реставрировала в XX-м веке гайдаматчину в наихудшей ее форме...»⁵³ Преследуя цель отделить лич-

⁵⁰ Rapport du commandant du Grand Paris M. Rademacher au préfet de police, 12 février 1942 – APP. La direction des renseignements généraux et des jeux. Dos. 77 W art. 1756–99851. F. 13.

⁵¹ BULAC. BIULO PER.124

⁵² М. Ирчан – І. Борщаку, 4 лютого 1927 р. – ЦДАЗУ. Оп. 2. Спр. 53. Арк. 3.

⁵³ Это один из немногих материалов, опубликованных Борщакком в У. В., который был подписан его собственным именем: *Борщак І. Дві книги жажу // Українські Вісти. № 23. 1 квітня 1927.*

ность Петлюры от понятия «Украина», Борщак на полосах У.В. освещал поступок Шварцбарда как суд истории над периодом Директории УНР, считая его «одной из самых позорных страниц Великой Украинской революции XX века».

* * *

1927 год запомнился французам двойной победой Р. Лакоста по прозвищу «Крокодил» (основателя известного бренда спортивной одежды) на теннисных турнирах Ролан Гаррос и Кубок Девиса; первым в истории трансатлантическим перелетом по маршруту Нью-Йорк – Париж, осуществленным пилотом-одиночкой Ч. Линдбергом; а также громким судебным процессом С. Шварцбарда, сопровождаемым публичной активностью возглавляемой Б. Лекашем «Антипогромной Лиги»⁵⁴.

Подробно освещаемый в прессе процесс Шварцбарда стал предметом изучения в современной украинской историографии, в том числе через призму медиа-контента. Примечательно, что в поле внимания очутилась в первую очередь издававшаяся соратниками Петлюры газета «Тризуб», причем без поправки на ее откровенно пропагандистский характер⁵⁵. Идеиная позиция «Тризуба» состояла в том, что Петлюра – это сама Украина, что покушение Шварцбарда было направлено против всего украинского народа, подавляющая часть которого симпатизировала главному атаману⁵⁶. Если встать на эту точку зрения, то покажется, что петлюровцы являлись едиными легитимными представителями Украины, а потому отказ французского правосудия вынести обвинительный приговор Шварцбарду трактовался «Тризубом» как унижение Украины Францией. Однако если посмотреть с другой перспективы, где альтернативой Украиной выступала УССР, то вердикт жюри присяжных, неожиданный для петлюровцев, но в принципе вполне предсказуемый, учитывая общественные настроения во Франции, фактически означал, что одна из «наиболее цивилизованных наций мира» сочла, что у Шварцбарда было моральное право отомстить палачам своего народа⁵⁷. Две версии процесса, представленные в «Тризубе» и У.В., выглядят как образчики по-

⁵⁴ https://fr.wikipedia.org/wiki/1927_en_France

⁵⁵ *Гриненко О.* Матеріали газети «Тризуб» про розслідування вбивства С. Петлюри (1926–1928 рр.) // Український історичний журнал. 2009. № 3. С. 34–43.

⁵⁶ [Борщак Г]. Після процесу // Українські Вісти. № 53. 29 жовтня 1927.

⁵⁷ «И приговор по делу Шварцбарда является осуждением петлюровщины. Осуждением Францией»: [Борщак Г]. Після процесу // Українські Вісти. № 53. 29 жовтня 1927.

лярных украинских дискурсов. Они не только по-разному освещали суд, но и конструировали из отрывков, вырванных из контекста допросов и дебатов, свои воображаемые реальности: каждая сторона говорила то, что ей хотелось увидеть в словах прокуроров, адвокатов, обвиняемого, свидетелей. Дискурс «Тризуба» конструировался в стиле классической трагедии, в которой роль невинной жертвы играл украинский герой Петлюра, являвшийся идейным социалистом и отнюдь не антисемитом, а роль преступника – наравленный на него большевиками асоциальный элемент Шварцбард⁵⁸. Дискурс У.В. выстраивался по законам сюрреалистической трагикомедии, где жертвой изображались евреи Украины, благородным мстителем за них – французский гражданин Шварцбард, наказанным преступником – бывший главный атаман.

«На скамье подсудимых продолжает сидеть Петлюра» – этот лозунг Борщак повторял, подобно знаменитому выражению Сципиона о разрушении Карфагена, практически в каждом своем репортаже из парижского Дворца правосудия, где с 18 по 26 октября 1927 г. шел процесс Шварцбарда. На первый взгляд казалось, что Борщак доносил до читателя строгую судебную хронику, но при внимательном изучении его репортажей очевидной становится их селективность, а ремарки самого репортера придают ей идеологически предубежденный окрас. Иронический тон корреспондента У.В. мог интеллигентной публике показаться чересчур вульгарным, но был весьма эффективен на уровне сознания читателя с более низким образовательным уровнем: автор будто выворачивал наизнанку грязные мыслишки идейных оппонентов, прикрытые благопристойными патриотическими мотивами, вовсю потешался над ними, делал на них сатирические шаржи, обнаруживал такие противоречия в их свидетельствах, что в свете них приближенные Петлюры казались в лучшем случае весьма ограниченными людьми, а в худшем – бессовестными лжецами, но главным образом – ментальными неевропейцами (тут особый акцент делался на их невежестве во всем, что касалось языка и обычаев страны, где они находились).

Освещая процесс Шварцбарда в категориях извечного противостояния между правдой и кривдой, Борщак проецировал этот конфликт через призму деятельности адвокатов сторон – чле-

---

⁵⁸ [Борщак Г]. Третій день – 20 жовтня. Четвертий день – 21 жовтня // Українські Вісти. № 52. 25 жовтня 1927.

на французской соцпартии А. Тореса, защитника Шварцбарда, и С. Кампинки, представителя интересов родственников Петлюры. Первый изображался вдохновенным, компетентным и убедительным, второй – апатичным, непрофессиональным и растерянным. Соответствующим образом интерпретировались избранные места из допросов Торесом ведущих деятелей петлюровского движения – В. Прокоповича, Я. Токаржевского, И. Косенка, А. Шульгина и др. – свидетельства которых, похоже, не только не защитили Петлюру, но еще больше подтвердили тезис об антисемитской направленности его движения⁵⁹.

Еще одно измерение конфликта – межличностное – Борщак раскрыл через противопоставление показаний свидетелей со стороны обвинения и защиты. Тем самым он создал впечатление, что политической линии покойного Петлюры придерживались зловещие, но беспомощные тени из прошлого, а на стороне Шварцбарда излагали истину до слез реальные жертвы погромов и уважаемые ученые эксперты⁶⁰. Не забыл Борщак выступить и против главного конкурента его У.В. – газеты «Тризуб», обвинив ее в распространении антисемитских идей. Здесь ему на руку неожиданно сыграло отождествление издателями «Тризуба» евреев с большевиками, которое произвело угнетающее впечатление на присяжных и публику⁶¹. Даже после прекращения отношений с советским режимом, Борщак оставался убежденным критиком «Тризуба», называя его «самой позорной и похабной газетенкой»⁶². По-видимому, он не смог забыть, что именно этот орган петлюровской пропаганды обвинил его в еврейском происхождении⁶³. «Я, – иронизировал над оппонентами Борщак, – жид, один раз – русский, второй – галицийский. Один раз – отец мой был мясником в Проскурове, второй раз – на Полтавщине. Бедный Петлюра где-то перед смертью даже написал об этом целую статью, при чем фамилия моя не то Барух-шак, не то Барх-шак»⁶⁴.

⁵⁹ Борщак І. Суд над петлюрівщиною Перший день – 18 жовтня. Другий день – 19 жовтня // Українські Вісти. № 51. 24/ жовтня 1927.

⁶⁰ [Борщак І]. П'ятий день – 22 жовтня; Шостий день – 24 жовтня; Сьомий день – 25 жовтня; Осьмий день – 26 жовтня // Українські вісти. № 53. 29 жовтня 1927.

⁶¹ [Борщак І]. Третій день – 20 жовтня. Четвертий день – 21 жовтня // Українські Вісти. № 52. 25 жовтня 1927.

⁶² І. Борщак – К. Студинському, 24 червня 1932 р. Опубл. в: Листи Ілька Борщака до Кирила Студинського / вид. Г. Сварник // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 222. Львів, 1991. С. 385.

⁶³ Рокитний Г. [Петлюра С]. Посмертна згадка // Тризуб. Ч. 29. 1 травня 1926.

⁶⁴ І. Борщак – С. Шелухіну, 4 травня 1932 р. – Центральний державний архів вищих органів влади (даліше – ЦДАВО). Ф. 3695. Оп. 1. Спр. 235. Арк. 188зв.–189.

Выдворение из Франции

В сентябре 1927 г. издаваемая во Львове украинская газета «Дило» сообщила:

«Французское правительство, в связи с конфликтом с советским представителем в Париже Раковским, энергично выселяет коммунистических деятелей. Среди выселенных находится редактор “Украинских Вистей” Борщак с секретарем и ближайшими сотрудниками. В редакции полиция сделала обыск и закрыла журнал. Борщак должен был покинуть пределы Франции на протяжении 24-х часов; немецкое правительство позволило выселенным пребывать в Германии на одни сутки»⁶⁵.

Свое задержание Борщак воспринял весьма самоуверенно и признался, что, если бы не применение процедуры выдворения в воскресенье, «оказавшееся для него приставленным к горлу ножом», ему несложно было бы добиться разрешения остаться во Франции⁶⁶. В понедельник, 12 сентября, супруге Борщака удалось предоставить полиции справку о предстоящей ей в ближайшее время хирургической операции. На этом основании выдворяемый получил отсрочку от исполнения процедуры на 15 суток⁶⁷. Поэтому, когда в тот же день на парижском Северном вокзале полицейские посадили на поезда в Германию, Бельгию и Люксембург 31 депортированное лицо, в том числе активистов СУГУФа А. Галипа, И. Дехтяренка, И. Фурсу, М. Норич-Диковского, И. Орел-Орленка, среди них не было их лидера Борщака⁶⁸. Именно поэтому заметка в газете «Дило» со ссылкой на парижские «Последние Новости» от 14 сентября сообщала, что «известие об обыске в “Украинских Вистях” и высылке их редактора И. Борщака ложно»⁶⁹.

Чтобы остаться во Франции, Борщаку пришлось задействовать все свои связи. Наиболее существенной в его непростой ситуации оказалась поддержка со стороны слависта Р. Мартеля, являвшегося одновременно доцентом Парижского университета и внештатным сотрудником Министерства иностранных дел. Согласно

⁶⁵ Трус в «Українських Вістях» // Діло. 20 вересня 1927. Ч. 210.

⁶⁶ A. S. de Bartchak qui sollicite le retrait de l'arrêté d'expulsion contre lui, 11 octobre 1927. F. 5; Bortchak Élie, dit Borschak, réfugié russe, expulsé. Le retrait arrêté d'expulsion, 8 mai 1935 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁶⁷ É. Borschak au préfet de police M. Chappe, 13 septembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁶⁸ Liste des personnes expulsées, 12 septembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 336.

⁶⁹ Выселення радянців з Парижа // Діло. 23 вересня 1927. Ч. 212.

информации ИНО ОГПУ, «это профессор, автор книг, ведущий украинскую работу несомненно по поручению французского правительства, которое в контакте с поляками создает кадры людей, специально занимающихся этим делом. МАРТЕЛЬ, коренной француз, прекрасно знает украинский язык»⁷⁰.

Знакомство Борщака с Мартелем произошло в конце 1926 г. во время одного из приемов в советском посольстве, в ходе которого француз позиционировал себя как лицо, симпатизирующее украинской государственности. В ответ на сетования Борщака относительно засилья польских и белогвардейских авторов во французских славистических изданиях (в частности, в *Le Mond Slave*), Мартель пообещал указать директору упомянутого журнала Л. Айзенманну на тенденциозный характер одной из статей декабрьского номера, переведенной с польского языка. Дело, кажется, усложнилось после самоуверенной и малограмотной (в частности, издание журнала, состоящего при французском государственном радиоагентстве, было ошибочно отнесено на счет Института славянских исследований) атаки Борщака в У.В. против *Le Mond Slave*⁷¹, не на шутку разозлившей Айзенманна. Но Мартель письменно уверил Борщака, что среди авторов *Le Mond Slave* было немало таких, которые «хотели бы понемногу сделать журнал более благосклонным по отношению к Союзу и Украине». Среди таких друзей он назвал И. Шатеньйо, работавшего в русском отделе МИДа и, по совместительству, отвечавшего за балканский блок *Le Monde Slave*. Также Мартель пообещал переговорить с Айзенманном, чтобы убедить его пригласить Борщака к сотрудничеству «ради будущего франко-украинских отношений»⁷².

Обстоятельства этого знакомства напоминают осторожную прелюдию к вербовке Борщака французской разведкой. Мартель понимал, что Борщак будет полезен при подготовке запланированной им на 1927 г. ознакомительной поездки в СССР. В качестве посредника Борщака мог порекомендовать Мартелю его приятель-славист А. Мазон, который, отправляясь зимой 1926 г. в СССР, решил вопросы визы, беспрепятственного передвижения и дружественного приема именно благодаря связи Борщака с Раковским. И Мартель не ошибся: в апреле 1927 г. Борщак оформил ему визу в советском консульстве. В знак благодарности француз просил

⁷⁰ Дело русской эмиграции во Франции, № 6556, 26 сентября 1929 г. Арк. 2.

⁷¹ [Борщак Л]. «Ле Монд Сляв» і Україна // Українські Вісти. № 18. 15 січня 1927.

⁷² R. Martel à É. Borschak, 14 février 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 1 – 4.

поскорее переслать ему статью для *Le Mond Slave*⁷³ (по его просьбе Борщак написал и Айзенманн, а вопрос о публикации был решен в ходе их телефонного разговора⁷⁴). В июле 1927 г. Мартель прибыл в Ленинград, откуда прислал благодарственное письмо Борщаку, но вскоре помощь того потребовалась вновь. Француза, в котором ОГПУ заподозрило шпиона, задержали и препроводили в Одессу с целью выдворения⁷⁵, и лишь вмешательство советского посла в Париже позволило ученому продолжить его путешествие. 4 сентября благодарный Мартель написал комплементарное письмо Борщаку, в котором впервые обратился к нему как к «дорогому другу»:

«Я только что прибыл в Киев, где, благодаря Вам, меня гостеприимно приняла Академия наук. Я приехал из Харькова, где, снова же благодаря Вам, меня ожидал самый радушный прием со стороны официальных представителей украинского правительства и ученых. Меня даже принял у себя профессор Багалея. Стремление засвидетельствовать мне уважение своим присутствием и облегчить мои научный труд и исследования было всеобщим. Моя скромная персона наверняка не заслуживала такого приема. Все это – Ваша заслуга, дорогой и верный друг, работающий с таким рвением и смелостью над франко-украинским сближением. В Харькове Вы слывете убежденным франкофилом...»⁷⁶

Возможность отблагодарить представилась Мартелю гораздо раньше, чем можно было предположить: 12 сентября он узнал в Киеве из телеграммы Борщака о выдворении того из Франции. Проанализировав ситуацию, француз призвал коллегу не терять присутствия духа и дожидаться его возвращения в Париж, где он собирался добиться отмены несправедливого решения, попав, если будет нужно, на прием к самому министру внутренних дел. А пока рекомендовал, не мешкая, телеграфировать Шатеньйо и Мазону с просьбой поручиться за него. Также Мартель советовал Борщаку воспользоваться его неплохими отношениями с профессором Сорбонны Э. Дрио, который, полагал Мартель, мог бы замолвить словечко в его защиту

⁷³ R. Martel à É. Borschak, 27 avril 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 6.

⁷⁴ L. Eisemann à É. Borschak, 5 mars 1927; 11 avril 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр. 21. Арк. 1 – 3. После выдворения Борщака, публикацию его статьи в «Le Monde Slave» отложили и она увидела свет только в 1929 г: *Borschak É. La Paix Ukrainienne de Brest-Litovsk // Le Monde Slave. Avril 1929; juillet 1927; aout 1927. P. 33 – 63; 63 – 85; 199 – 226.*

⁷⁵ R. Martel au ministre de l'intérieur, juillet 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 199-3.

⁷⁶ R. Martel à É. Borschak, 4 septembre 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 8.

у влиятельнейшего патриарха французской политики А. Бриана через их общего друга Ж.-А. Пейселона. Мартель также позволил Борщаку ознакомить полицию со своим письмом от 4 сентября из Киева, предполагая, что этот документ произведет надлежащее впечатление, поскольку его миссия в СССР имела официальный характер⁷⁷.

17 сентября, в день своего возвращения в Париж, Мартель написал письмо Дрио с просьбой присоединиться к акции в защиту Борщака⁷⁸. Через неделю он обрисовал положение дел следующим образом:

«Сегодня я еще не могу объявить Вам хорошую новость, но со вчерашнего дня ситуация развернулась [в Вашу пользу] и теперь есть 90 процентов шансов, что Вы останетесь в Париже. Я продолжаю свои мероприятия...»⁷⁹

В полицейском досье сохранилось датированное 22 сентября письмо Мартеля к министру внутренних дел, которого он пытался убедить «с позиции француза, сведущего в украинских делах», что Борщак является не коммунистом, а украинским националистом, известным ученым, активным промоутером франко-украинских межкультурных отношений⁸⁰. Письменного обращения Дрио не обнаружено, но, возможно, профессор действовал на уровне частных контактов с определенными лицами. Также 20 сентября письмо на имя парижского префекта подал А. Мазон, заявивший, что на протяжении нескольких лет знает Борщака как историка и «эрудита». Регулярно получая газету У.В., он нашел ее тон и идеи дружественными в отношении Франции и не враждебными к Польше. Уважаемый профессор Коллеж де Франс охарактеризовал эту газету как «орган украинцев, ориентирующихся на советский режим на Украине: вследствие этого факта, ему присущ определенный коммунистический окрас, впрочем весьма поверхностный, его издают украинские националисты, согласившиеся сотрудничать с действующим режимом не по причине своих коммунистических взглядов, а исключительно чтобы получить от этого режима пользу для украинского дела (использование украинского в качестве официального языка, вместо русского, составляет первое из этих преимуществ)»⁸¹.

⁷⁷ R. Martel à É. Borschak, 15 février 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 9.

⁷⁸ R. Martel à É. Borschak, 17 avril 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 23.

⁷⁹ R. Martel à É. Borschak, 23 septembre 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 19.

⁸⁰ R. Martel au ministre de l'intérieur, 22 octobre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98.

⁸¹ A. Mazon au ministre de l'intérieur, 20 septembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 309.

3 октября Мартель сообщил Борщаку, что и впредь будет действовать в его интересах вплоть до позитивной развязки дела: «Вчера я виделся с г. Мазоном – он также предпринял меры на Ке (в МИДе – В.А.) и на Площади Бово (МВД – В.А.)».

4 октября Мартель встретился с Борщакком в Париже⁸², а уже 7-го в его квартире в Версале на ул. Сен-Шарль, 23, собрались участвовавшие в защите Борщака лица – Мазон, Дрио и Шатеньйо. Борщак благодарил, жаловался на несправедливые удары судьбы и играл роль невинной жертвы⁸³.

Вследствие заступничества вышеперечисленных лиц еще дважды следовали постановления префекта об отсрочках на 15 суток, что дало возможность «небольшевистскому» Борщаку принять участие в освещении процесса Шварцбарда с просоветских позиций. Все это время Сюрте Женераль не упускала его из виду, отслеживая не только его политическую активность, но и сравнивая ее с предыдущей. В этом контексте важно взглянуть на те острые моменты, которые спровоцировали появление сентябрьского декрета о выдворении, и понять изменился ли и в какой степени стиль поведения фигуранта после этого. В документах полиции мотивами выдворения Борщака названы «его политическая активность среди его соотечественников, а также его позиция в деле Сакко-Ванцетти»⁸⁴. 27 августа, в ходе собрания на ул. Ж.-Ж. Руссо Борщак имел неосторожность осудить казнь властями США двух активистов левого толка – Н. Сакко и Б. Ванцетти – заявив при этом, что смерть этих мучеников не была напрасной, поскольку «вооружит пролетариат новым оружием в борьбе против буржуазии». Именно на основании этого выступления полиция пришла к выводу, что «Борщак не перестал выступать в защиту большевизма, кроме того, его деятельность осуществляется без оглядки на позицию Франции, против которой она направлена»⁸⁵.

Однако подобную риторику Борщак использовал и раньше, а потому складывается впечатление, что «дело Сакко-Ванцетти» стало лишь поводом, а не причиной его выдворения. О более существенном мотиве речь шла в докладной записке ИНО ОГПУ:

«После опубликования в 1927 г. переписки петлюровских лидеров, которая широко цитировалась многими крупными европейски-

⁸² R. Martel à É. Borschak, 3 octobre 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 12.

⁸³ R. Martel à É. Borschak, 5 octobre 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 14.

⁸⁴ A. S. du nommé Bortchak dit Borschak Élie – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 121–1.

⁸⁵ Ibid. F. 129–4.

ми органами, на “Укр. Вісті” и организацию, по требованию заинтересованных государств, французское Министерство внутренних дел обратило особенное внимание, что привело к разгрому редакции и “Центральной Президии” СУГУФа и высылке из Франции всех ответственных работников»⁸⁶.

В июле 1927 г. в У.В. были напечатаны с предисловием Борщака фрагменты тайной корреспонденции лидеров УНР А. Ливицкого и В. Токаржевского, в которой шла речь об их встречах с отдельными государственными деятелями Великобритании, в частности с послом в Париже маркизом Р. Крю. Публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы, поскольку показала, что антисоветская деятельность петлюровской эмиграции направляется и отчасти финансируется из Лондона⁸⁷. Понятно, что эти документы не могли попасть в редакцию У.В. иначе, чем от советской разведки, что ясно указывало на принадлежность Борщака к агентурной сети ОГПУ. 28 июля о «большевистской газете» У.В. зашла речь в британском парламенте, и эта дискуссия излагалась ведущими изданиями, в частности *Times*. На соответствующий запрос радикального депутата У. Тревельяна премьер-министр Н. Чемберлен ответил следующее:

Ни лорд Крю, ни какой-либо другой сотрудник английского посольства в Париже не встречался с украинцами. Во всем том, что рассказывает украинская большевистская газета, нет ни слова правды. Газета, опубликовавшая эти документы, не может считаться авторитетной... Правда, в некоторых сферах велись разговоры про самостоятельное (петлюровское. – Ред.) украинское правительство, но я никоим образом не подбадривал это правительство⁸⁸.

Комментируя этот весьма дипломатичный ответ, Борщак указывал, что «Чемберлен недвусмысленно признает, что в некоторых сферах дебатировался вопрос поддержки желто-блакитных предателей. Нам известны эти сферы, и они названы ясно в документах. Это – Черчилль и военные английские круги». Добившись от британского правительства четкой декларации о неподдержке им петлюровского движения, редактор У.В. совсем утратил чув-

⁸⁶ Докладная записка председателя ГПУ УССР т. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У т. Коссиору. Арк. 267.

⁸⁷ Supplément aux «Nouvelles Ukrainiennes»: Les traitres ukrainiens pris la main dans le sac – quelques documents // Українські Вісті. № 38. 23 липня 1927.

⁸⁸ [Борщак Л]. Чемберлен відповідає «Українським Вістям» // Українські Вісті. № 40. 4 серпня 1927.

ство меры и в весьма дерзкой и язвительной форме подверг критике премьер-министра, медиа, МИД и спецслужбы «Туманного Альбиона»:

«В конце про нашу “авторитетность”, в которой сомневается Чемберлен. Ясное дело, мы не претендуем на авторитетность Таймс и Дейли-Мейл, как известно, наилучшим образом проинформированных про ежедневные восстания на Украине, про ссылку Чубаря, про то, как на Петлюру молятся на Украине и т. подобной “авторитетной информации”. Но все же советуем референтам Форин-Офис внимательней читать У.В. Может тогда в казне английской контрразведки окажется ежегодно больше на несколько тысяч фунтов».

Понятно, что участие Борщака в пиар-кампании против Великобритании имело для него самые печальные последствия, и всего через несколько недель его положение во Франции стало критическим. Однако эту версию еще надлежит проверить по британским архивам. Сам Борщак связывал репрессии с интригами польского правительства, пытавшегося оградить своих союзников-петлюровцев в Париже от возрастающего советского влияния⁸⁹. Последствия массового выдворения активистов СУГУФа, обсуждались на собрании 14 сентября, в ходе которого Борщак высказал твердое убеждение, что следует продолжить привычную деятельность, новые инструкции в отношении которой он представил 17-го⁹⁰. Казалось, он быстро пришел в себя и был уверен, что обязательно добьется отмены решения о своей высылке. Также он продолжал редактировать У.В., хотя и постарался ограничить собственную журналистскую активность сферой истории⁹¹. Наблюдая за поведением Борщака в повседневной жизни, полиция считала ее не менее подозрительной, чем его публичную деятельность. Например, «каждое утро между 8 и 9 часами он направляется на почту, чтобы отправить свои письма, которые никогда не доверяет гостиничному персоналу». Что касалось доходов семьи Борщачков, то их основным источником назывались средства, получаемые из советской Украины⁹².

Руководствуясь этой информацией⁹³, 14 октября префект полиции выступил против дальнейшей отсрочки исполнения декрета о

⁸⁹ Rapport du commissaire de police, 20 septembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁹⁰ Rapport du commissaire de police, 15 septembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁹¹ Rapport du commissaire de police, 29 septembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁹² Rapports de la Sureté Générale, septembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 287.

⁹³ A. S. de Bartchak qui sollicite le retrait de l'arrêté d'expulsion contre lui, 11 novembre 1927. F. 4–5.

выдворении Борщака. Последний характеризовался как «отпетый большевик», который, избегая прямой критики правительства и правящего класса Франции, провоцировал негативное общественное мнение о ее внешней политике. Примечательно, что упомянутое представление появилось в один день с согласием советского правительства на отзыв с должности посла в Париже Х. Раковского, которого французское правительство обвинило во вмешательстве во внутренние дела путем откровенных призывов рабочих к революционным действиям, а солдат к дезертирству⁹⁴. 20 октября министр дал указание исполнить свой декрет от 9 сентября. 27 октября Борщака уведомили о необходимости покинуть территорию Франции до полуночи 3 ноября. Узнав об этом, его супруга написала паническое письмо Р. Мартелю, который в то время находился с миссией в Любляне. В своем ответе француз упрекнул Борщака за «чересчур неразумное поведение с процессом Шварцбарда» (репортажи с которого, по-видимому, все же не повлияли на решение о высылке, принятое еще до их публикации). При этом Мартель поклялся добиться его возвращения еще до конца 1927 г., попросив воздержаться от демаршей и компрометирующей деятельности⁹⁵.

27 октября супруга Борщака посетила А. Мазона, слезно убеждая профессора вступить за ее мужа⁹⁶. Мазон обратился к министру внутренних дел с уверением, что знает Борщака в качестве националиста, редактирующего украинскую, но никоим образом не советскую газету, а также «эрудита и уважаемого историка былых сношений между Францией и Украиной». По мнению Мазона, депортация Борщака нанесет ощутимый урон франко-украинским научным отношениям⁹⁷. Однако это ничего не изменило и «солнечным, теплым и, даже, душным» (согласно дневнику В. Винниченко⁹⁸) днем 3 ноября 1927 г., поездом в 13.35 с Северного вокзала Борщак покинул Париж, где прожил семь лет, чтобы тем же вечером пересечь бельгийскую границу⁹⁹. Ситуация с выдворением выявила такие черты его характера, как упорство и жизненный оптимизм. Она не сломила волю Борщака, а наоборот подтолкнула к энергичной борьбе за возвращение.

⁹⁴ Le rappel de M. Rakovsky, 14 octobre 1927 // Le Temps. № 24160. 15 octobre 1927.

⁹⁵ R. Martel à Élie Borschak, 29 octobre 1927 – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 2. Спр. 65. Арк. 15.

⁹⁶ Avis du ministre de l'intérieur, 20 octobre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

⁹⁷ A. Mazon au ministre de l'intérieur, 27 octobre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 258.

⁹⁸ Винниченко В. Щоденник: у 4 т. Т. 3. С. 423.

⁹⁹ Télégramme, 3 novembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

***Прощание с большевизмом:
возвращение во Францию и повторное выдворение***

В Брюсселе Борщак остановился в гостинице на ул. Беркманс, 12¹⁰⁰. Оттуда он вел обширную корреспонденцию 1) со своей супругой, которой на первых порах пересылал инструкции по руководству СУГУФом и статьи для У.В.; 2) с французскими чиновниками, убеждая их в своей непричастности к враждебной деятельности; 3) с несколькими авторитетными парижскими учеными, которые согласились выступить в роли поручителей за него. В то же время Борщак взял примечательную паузу в переписке с большинством своих украинских корреспондентов. Извиняясь впоследствии перед ними, он утверждал, что вновь занялся научными проектами, в частности подготовкой к изданию обнаруженного им в Архиве МИД Франции дневника гетмана Ф. Орлика, и совершил «в конце прошлого года путешествие по Бельгии и Голландии, где нашел кое-что интересное»¹⁰¹. Такая интерпретация свидетельствует о том, что Борщак не желал разглашать факт своего выдворения из Франции.

В отчетах французской полиции указано, что он продолжал дистанционно исполнять обязанности главного редактора У.В. (таким образом ему удалось издать еще 4 номера¹⁰²), а его приветственное письмо СУГУФу было зачитано в ходе одного из собраний этой организации, состоявшегося в кафе на бульваре Вольтера, 193¹⁰³. В письме сообщалось, что в Брюсселе Борщак выступил на заседании генерального комитета «Международной антиимпериалистической и антиколониальной Лиги», заявив, что Галицию следует рассматривать как колонию польского империализма¹⁰⁴. Кроме того, Борщаку приписывали выступление на сборах филиала СУГУФа в г. Льеж. Ту поездку он, однако, отрицал, пытаясь убедить французские власти в своем отказе от политической деятельности¹⁰⁵.

Тем временем в Париже в защиту Борщака выступили французские ученые А. Мазон и Р. Мартель¹⁰⁶. Последний в своем об-

---

¹⁰⁰ É. Borschak au ministre de l'intérieur, 12 décembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 267.

¹⁰¹ I. Борщак – I. Кревецькому, 10 лютого 1928 р. – ЦДІАУЛ. Ф. 309. Оп. 1. Спр. 984. Арк. 52.

¹⁰² Note de renseignements sur Borschak Élie et Sevriuk Alexandre, 16 juin 1928. F. 213-1.

¹⁰³ Extrait du rapport du commissaire de police du 13 janvier 1928 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹⁰⁴ Rapport du commissaire de police, 14 décembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹⁰⁵ É. Borschak au ministre de l'intérieur, 12 décembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 267.

¹⁰⁶ A. S. du nommé Bortchak dit Borschak Élie, № A-2339 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 129-1.

ращении от 22 ноября к министру иностранных дел просил того вступить за Борщака – украинского журналиста-франкофила, «лояльно и искренне» содействовавшего интеграции украинских эмигрантов во французское общество, из-за чего его выдворение оказалось на руку германофилам. Сотрудничество Борщака с советским посольством Мартель считал ситуативным, поскольку тот являлся в первую очередь украинским патриотом и поддерживал СССР как государство, стремящееся к объединению всех украинских земель¹⁰⁷.

По просьбе министра иностранных дел, 17 декабря министр внутренних дел разрешил Борщаку пребывание на территории Франции сроком на три месяца¹⁰⁸. 29 декабря в генеральном консульстве Франции в Брюсселе ему открыли визу и обязали, после прибытия в Париж, встать на учет в префектуре¹⁰⁹. Однако Борщак не воспользовался возможностью встретить новый год в кругу семьи и на протяжении еще трех недель оставался в бельгийской столице. Причиной столь нехарактерной для его живого темперамента неспешности были известия из Парижа, где 3 декабря СУГУФ принял решение о временном отстранении его от должности генсека¹¹⁰. Следствием конфликта стало переселение супруги Борщака из гостиницы «Атлантическая» в арендованную квартиру на улице Ложье, 34¹¹¹. За кулисами этих изменений, вероятно, стояли расхождения между Борщаком и А. Полоцким. У изгнанника были все основания упрекать последнего в неблагодарности и нежелании вступить за него. Говорили, что черная кошка пробежала между ними еще летом 1927 г., поскольку куратору Борщака пришлось не по вкусу его все более националистическая тональность¹¹².

Борщак вернулся в Париж 20 января 1928 г. и 26 января встал на учет в полиции, получив разрешение на пребывание во Франции до 27 марта, а по истечении этого срока еще на три месяца¹¹³.

¹⁰⁷ R. Martel au ministre des affaires étrangères, 22 décembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 270.

¹⁰⁸ Le ministre de l'intérieur au préfet de police, 17 décembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹⁰⁹ Rapport du commissaire de police, 7 février 1928 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹¹⁰ Rapport du commissaire de police, 14 décembre 1927 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹¹¹ L'inspecteur de police mobile David au contrôleur général de services de recherches judiciaires, 15 décembre 1927 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 267.

¹¹² A. S. Borschak Élie. Note d'un correspondant, 5 juillet 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 208.

¹¹³ Note pour M. le chef du 1er bureau du Cabinet du Ministre de l'intérieur, 12 avril 1928 – APP. CP. Dossier 1 W art. 1180-59517.

В составленном в начале февраля отчете о наблюдении за фигурантом, комиссар полиции отмечал, что тот не скрывал своих амбиций вернуться к руководству СУГУФом. Борщак считал, что его отсутствие крайне негативно отразилось на периодичности выхода газеты, ее качестве и, в целом, на всей организации. При этом он рассчитывал на содействие Г. Кузьменко, жены Н. Махно, сумевшей придать новый импульс деятельности СУГУФа, организовав регулярные сборы украинских рабочих. Вместе с тем, демонстрируя свое прохладное отношение к соратникам, он не появлялся на ул. Ж.-Ж. Руссо и вслух высказывал намерение отойти от политики, чтобы полностью посвятить себя научной работе¹¹⁴.

Полиции было невдомек, что Борщак анонимно продолжал редактировать У.В. и публиковаться в них. Избегая острых тем международной политики, на протяжении февраля – марта он писал на культурную тематику, в частности изложил свои впечатления от организованной Национальной библиотекой выставки, посвященной Французской революции¹¹⁵. В статьях того периода его тон в отношении СССР заметно охладел, и, напротив, прослеживалась тенденция к позиционированию советской Украины как отдельной государственной общности, имевшей собственные интересы. В заметке о статистике народонаселения в СССР, он сделал акцент на цифрах, свидетельствовавших о том, что в Российской Федерации проживало почти 6 млн украинцев, которых он рассматривал как часть украинского национального проекта, призывал распространить на них политику украинизации, «доведя этнографическое разделение до глубочайшего идеала», и вслед за наркомом образования УССР Н. Скрыпником утверждал, что «Кубань – тоже украинская земля во всех отношениях»¹¹⁶. Антисоюзная риторика Борщака особо заметна в мартовской статье, являвшейся комментарием к опубликованному в харьковских «Вестях» заявлению заместителя председателя Всеукраинского комитета по делам печати И. Лакизы, озвучившего точку зрения его главы Н. Скрыпника относительно того, что на Международной выставке прессы в г. Кельне делегации республик будут иметь отдельные стенды и откажутся от размещения своих предложений в тематических рубриках одной союзной делегации. Возвращаясь

¹¹⁴ Rapport du commissaire de police, 7 février 1928 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹¹⁵ [Борщак Л]. «Французька революція» у Національній бібліотеці // Українські Вісти. № 61. 11 січня 1928.

¹¹⁶ [Борщак Л]. 5.803Ю491 // Українські Вісти. № 60. 27 січня 1928.

к опыту парижской декоративной выставки 1925 г., где «в советском отделе Украина имела свое местечко где-то в закутке между образцами киргизского искусства», Борщак считал неприемлемой практику, когда УССР не была представлена как суверенная европейская держава, а ее культурная субъектность затушевывалась русскоязычными плакатами про угольную промышленность Донбасса¹¹⁷. Он возносил дифирамбы главному украинизатору Скрыпнику, «присутствие которого во главе комитета по организации украинской выставки <...> дает гарантию, что в этот раз украинские трудящиеся за рубежом не будут краснеть за украинский отдел выставки. И это будет значительным шагом вперед в деле культурсвязи Украины с заграницей».

Его идейное «бегство от Москвы», однако, не означало, что Борщак перестал быть большевиком. В том же номере У.В. он поместил острый фельетон против попыток сакрализации памяти Петлюры его последователями, в котором саркастически высмеял манеру Я. Токаржевского¹¹⁸ высказываться о своем покойном шефе как об одной из выдающихся личностей современности: «О ком бы вы думали идет речь? Наполеоне? Макиавелли? Эйнштейне? Нет, это наш старый знакомый Симон Петлюра. Не смейтесь. Все эти титулы мы вычитали в последнем панегирике на французском языке, посвященном Петлюре»¹¹⁹.

Это были последние статьи Борщака, опубликованные в периодическом органе СУГУФа и фактически подытожившие эволюцию его взглядов большевистского периода. Ясно, что для Борщака в противовес заслуживающему всяческого осуждения Петлюре образцом политического деятеля являлся Скрыпник, идеалом государства – суверенная советская республика «на всем этнографическом пространстве украинского народа». Эти мировоззренческие указатели можно классифицировать как национал-большевистские. Призывы к углублению суверенитета Украины, демонстративный «украинский империализм» в вопросе Кубани и других территорий с преобладанием украиноязычного населения делали из Борщака неудобную фигуру для советских спонсоров парижской газеты¹²⁰.

¹¹⁷ [Борщак Л]. Вже час // Українські Вісти. № 64. 24 березня 1928.

¹¹⁸ Tokary Tokrzewsky Karaszewicz J, de. Simon Petliura. P., 1927. 21 p.

¹¹⁹ [Борщак Л]. «Спаситель Европы. Одна з найбільших постатів сучасности. Новий Цезар. Зразок для Мусоліні...» // Українські Вісти. № 64. 24 березня 1928.

¹²⁰ Новинки // Діло. 30 серпня 1928. Ч. 193.

После отзыва Х. Раковского и его осуждения в СССР, Борщак лишился высокого покровителя в советской властной верхушке, поэтому не мог в принципе удержаться при руководстве «украинской работой» в Париже. Кроме того, против него сыграло подозрение со сторон кураторов в связи с французской полицией, ставшее следствием как его неожиданного возвращения в Париж, так и смены тона: «В СУГУФе он гнет линию, аналогичную прежней (до покаяния) линии Хвильового, Украина ориентируется на Европу, а не на Москву. Сам он, очевидно, поспешил сориентироваться первым и связался с Европой в лице франц. охранки»¹²¹.

Его устранение от редактирования У.В. прибавило немало хлопот ОГПУ, поскольку не было уверенности, что Борщак станет молчать о своем сотрудничестве с советскими властями:

«БОРШАК в курсе укр. работы – не только в эмиграции, но и среди галичан. Он в курсе значительной части работы тов. ПОЛОЦКОГО. Его разоблачения скомпрометируют Московский Народный Банк, председателем которого является ПОЛОЦКИЙ. Кроме того, можно с уверенностью сказать, что, если мы его снимем с “Укр. Вистей”, французы не допустят сюда нового редактора (об этом уже позаботится БОРШАК, который сразу догадается о своем заместителе, под каким соусом тот бы не ехал). Не исключена возможность, что в случае снятия БОРШАКА они вообще прикроют газету»¹²².

1 апреля 1928 г. в должность вступил новый главный редактор У.В. Советское торговое представительство поддержало кандидатуру А. Севрюка, как выходца из среды украинской эмиграции. Борщаку была предоставлена компенсация в размере 25–30 тыс. франков за лишения, которые он претерпел вследствие своего выдворения из Франции¹²³, ему даже устроили товарищеские проводы. Однако за красивой позой прятались ущемленные амбиции и, главное, обиды из-за потери хорошо узнаваемого положения руководителя многотиражной (2500 экз.) газеты, с которой его по инерции продолжали ассоциировать и впредь, присылая на его имя заметки. Борщак даже был вынужден объявить в украинской прессе, что больше не имеет отношения к У.В.¹²⁴ Главной же утратой являлось закрытие доступа к советской «кормушке». Он лишился не

¹²¹ О Борщаке (редактор «Украинских Вистей» в Париже), ИНО ОГПУ, 30 марта 1928 г. Арк. 63.

¹²² Там же.

¹²³ Note de renseignements sur Borschak Elie et Sevriuk Alexandre, 16/ juin 1928. F. 213-1.

¹²⁴ Заява Ілька Борщака // Рада. 27 квітня 1928.

только публичного статуса лидера большевиков среди украинских эмигрантов и связанных с этим бонусов, но и уже ставшего привычным образа жизни, судить о котором позволяют отчет слежки французской спецслужбы за сотрудниками У.В. после того, как газету возглавил А. Севрюк:

«23 мая Севрюк покинул свое местожительство в 10 ч. 40 мин. и направился к резиденции Торговой делегации СССР на ул. Епископа, 25, где находился с 11.10 до 11.45. Он пообедал во франко-чешском ресторане на ул. Кабаниса, 6. Потом направился в кафе Поккарди на ул. Св. Марка, где кого-то ждал с 13 ч. 20 мин. до 16 ч. 10 мин., и вернулся на свое место жительства, не встретившись со своими друзьями.

24 мая Севрюк вышел в 14 ч. 5 мин. и пошел в Поккарди на ул. Св. Марка, где встретился с Сербиненко. Оба покинули это здание в 15 ч. 45 мин., чтобы направиться в Московский народный банк на ул. Вивьен, 26. Они вышли оттуда через 10 минут и вскоре расстались. Севрюк вернулся на свое место жительства в 17 ч. 30 мин. Что касается Сербиненко, то он отправился в резиденцию редакции «Украинских Вистей», в 18 ч. 35 мин. встретился с женой во франко-чешском ресторане на ул. Кабаниса, 6, где оба пообедали, провели вечер в кино «Royal Wagram» на проспекте Ваграм и вернулись домой в Ней-сюр-Сен, ул. Вильер, 75...»¹²⁵

Регулярные визиты в советские дипломатические и финансовые учреждения, получение от них указаний и средств, которые тратились на рестораны, кафе, кинематограф, женщин; неспешный способ жизни; стабильные буржуазные привычки; непыльная работа – все это показывает, что Борщаку было что терять и за что бороться¹²⁶. В предоставленных полиции в июне 1928 г. показаниях он обвинил Севрюка в получении ежемесячной зарплаты от советских органов в сумме 200 долларов США, а его помощника А. Сербиненка – в 1500 франков¹²⁷. Эти суммы он определил по собственному опыту получения таких вознаграждений. Не удивительно, что конфликт между ним и ново назначенным редактором У.В. вышел на публичный уровень и наглядно показал расхождение Борщака с его советскими кураторами.

¹²⁵ Les Nouvelles Ukrainiennes, 19 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940448/32. F. 203-3.

¹²⁶ Стиль жизни Борщака в Париже предполагал постоянное посещение кафе, в которых он не только питался, но и работал – просматривал прессу и корреспонденцию, встречался с разными лицами, писал письма на фирменной бумаге этих учреждений. Также, судя по его дневнику, Борщак обожал кинематограф: ЦДАЗУ. Ф. 48, Оп. 2. Спр. 19. Арк. 2 – 34.

¹²⁷ Les Nouvelles Ukrainiennes, 19 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940448/32. F. 203-2.

Даже по прошествии многих лет Борщак был не в силах сдерживать досады из-за утраты основанного им успешного проекта. Последовавший упадок У.В. он приписывал деструктивной деятельности Севрюка, которого изображал законченным делягой, а себя, напротив, представлял бескорыстным идеалистом¹²⁸. Однако именно Севрюк стал едва ли не единственным человеком, отважившимся рассказать кем на самом деле был Борщак. По иронии судьбы это произошло в У.В., любимом детище последнего. В № 67 за 5 мая 1928 г. была опубликована заметка об обнаруженной в финансовой отчетности редакции крупной недостаче. Французская полиция предполагала (хотя и не имела прямых доказательств¹²⁹), что речь шла о деньгах, которые присылались из Киева через Вену на счета торгового представительства СССР в Париже и обналичивались Борщакком в Московском народном банке. Хотя в упомянутой заметке упоминались заслуги Борщака в создании СУГУФа и У.В. и руководстве ими, там также утверждалось, что он замешан в неприемлемые для морального облика советского гражданина делишках¹³⁰.

Обвинение в присвоении редакционной кассы Борщак оставил без публичного ответа¹³¹, поскольку понимал, что его участие в дискуссии относительно средств иностранного происхождения даст повод для его повторного выдворения из Франции. Ситуация его оппонента Севрюка казалась более предпочтительной, благодаря браку с француженкой и получению в январе 1928 г. французского гражданства. В ответ Борщак прибег к тактике скрытых ударов, подав на Севрюка жалобу в МИД как на большевистского и, одновременно, немецкого агента. Его разъяснения руководитель российского отдела Э. Сикар признал убедительными и 16 мая обратился к министру внутренних дел с просьбой защитить журналиста-франкофила Борщака, скомпрометированного и выдворенного в результате происков советской агентуры, которой таким образом удалось захватить газету У.В., сделав ее органом антифранцузского влияния. При этом особое внимание обращалось на информационную кампанию по дискредитации Борщака,

¹²⁸ Борщак І. Неймовірний закид. (Чи був О. Севрюк «подвійний агент»?) // Україна: українознавство і французьке культурне життя. Ч. 6. 1951. С. 454.

¹²⁹ Préfet de police au ministre de l'intérieur, Paris, 6 juillet 1928 (Direction de la Sureté Générale) – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 161-1.

¹³⁰ Le chef du service des renseignements généraux et des jeux au préfet de police, 30 juin 1928 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517. F. 2 – 3.

¹³¹ Rapport du commissaire de police, 16 mai 1928 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

развернутую Севрюком; членом Французской коммунистической партии (далее – ФКП) и аккредитированным при советском посольстве доктором А. Гальпериным; а также неким «Мыколой» (укр.) – «Николаем» (рус.) – «Nicolas» (фр.). Реагируя на этот сигнал, префекту парижской полиции 2 июня поручили организовать срочное расследование данного дела¹³². Следует признать, что письмо Сикара свидетельствовало либо о полной некомпетентности этого чиновника касательно роли, которую до того времени играл Борщак в системе советского влияния во Франции¹³³, либо (что кажется наиболее правдоподобным) о его желании защитить своего нового информатора, которым стал Борщак. В пользу второго предположения говорит упоминание о загадочном Мыколе, о существовании которого французская власть узнала именно от Борщака. Полиция безуспешно пыталась установить личность этого, якобы прибывшего в ноябре 1927 г., резидента советской разведки, который должен был руководить украинской работой во Франции. В результате было лишь опровергнуто предположение о работе Мыколы под прикрытием дипломатического статуса¹³⁴. Но Борщак не догадывался, что на самом деле никакого Мыколы не существовало – эту дезинформацию сообщили только ему одному под видом тайны во время прощальной вечеринки по случаю его ухода из У.В. Сообщили, чтобы в случае розыска Мыколы полицией, убедиться: Борщак стал предателем¹³⁵. Ловушка сработала, и таким образом ОГПУ узнало о переходе Борщака на сторону противника.

В игре на две стороны его, по-видимому, подозревали и раньше, поскольку еще в мае 1928 г. представитель ОГПУ при советском посольстве в Париже сообщал, что бывший редактор У.В. Борщак «теперь сотрудник Сюрте»¹³⁶. В свете документов полиции очевидно, что Борщак сам предложил свои услуги французским ор-

¹³² Ministre de l'intérieur (direction de la Sûreté générale) au préfet de police, 12/ juin 1928 – APP. CP. Dos. 1 W art. 1180-59517.

¹³³ О деятельности СУГУФа в МИД Франции было известно по крайней мере с июня 1927 г. В составленной в это время записке говорилось, что эта организация является «обыкновенным филиалом ЧК». Ее наиболее активными деятелями назывались Борщак, Галип, Норич-Диковский. См.: *Gasquet S., de. L'affaire Petlura et la France // Bulletin de l'AFEU. 1999. №1 (11). P. 3.*

¹³⁴ *Les Nouvelles Ukrainiennes*, 19 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940448/32. F. 203-2.

¹³⁵ О работе по советской украинской линии, ИНО ОГПУ, 28 июня 1929 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 6738. Т. 1. Арк. 66.

¹³⁶ Новый украинский журнал в Париже, ИНО ОГПУ, 28 мая 1928 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 12617. Т. 17. Арк. 378.

ганам госбезопасности, якобы для того, чтобы совместными усилиями устранить большевистско-германскую угрозу, которой противостоит он, преданный друг Франции¹³⁷. Первое упоминание про Мыколу и Севрюка, как его подручного, а также их контакты с советником советского посольства Беседовским (которого Борщак неплохо знал, поскольку ранее познакомил его с Р. Мартемом) отразились в сводке полиции общей безопасности еще в середине апреля¹³⁸. Поступить эта информация могла только от Борщака. Поэтому есть основания полагать, что он вошел в контакт с французскими спецслужбами еще ранее, стремясь дискредитировать Севрюка и вернуться в У.В. В данном контексте оглашенные Севрюком сведения о финансовых махинациях Борщака выглядят элементом активной защиты. Когда таким образом было сорвано изначальное намерение Борщака, последний начал добиваться закрытия У.В., хотя анализ полицией содержания номера от 19 мая свидетельствовал об исключительно доброжелательном тоне этого издания по отношению к Франции. Поведая о деятельности своих бывших товарищей и украсив свой рассказ многочисленными преувеличениями, Борщак повел себя как банальный трус, который, чтобы уцелеть самому, готов был утопить всех, кто до момента катастрофы находился с ним в одной лодке. По этому делу был допрошен и Севрюк, заявивший, что стал жертвой лживых наветов со стороны Борщака, которого он охарактеризовал как «крайне опасного субъекта, находящегося в постоянном контакте со службами СССР, явного германофила и патологического предателя». Примечательно, что следователю эти аргументы показались повторением выслушанных перед этим обвинений Борщака в адрес Севрюка, «только с диаметрально противоположным содержанием»¹³⁹.

Опровергнув утверждение Борщака, что редактированные им У.В. нельзя считать советским органом, ибо его издавали в Париже и не распространяли в СССР¹⁴⁰ (что противоречило его же соб-

¹³⁷ A. S. de Borschak Élie. 19 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 193-1.

¹³⁸ Contrôle des étrangers, 12/ avril 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940448/32. F. 203-1.

¹³⁹ A. S. de Sevriuk, Alexandre, naturalisé français, signalé germanophile et bolcheviste, 22 juin 1928 /– AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 180-4-5.

¹⁴⁰ Note de renseignements sur Borschak Élie et Sevriuk Alexandre, 16 juin 1928. F. 213-1. Среди бумаг Борщака сохранился документ о беспопытном ввозе «издающейся в Париже на украинском языке газеты «Украинские Вести»»: Приказ № 206 главного таможенного управления Наркомторга СССР, 27 августа 1927 г. – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр. 101. Арк. 13. Но даже в начале издания этой газеты Борщак хвастался, что «журнал наш хорошо расходуется и имеет дебет на Украину»: I. Борщак – С. Шелухіну, 7 травня 1926 р. – ЦДАВО. Ф. 6395. Оп. 1. Спр. 235. Арк. 155.

ственным показаниям при задержании в сентябре 1927 г., когда, пытаясь объяснить источники финансирования газеты, он указал, что ее легально распространяли на советской Украине, в том числе и через государственную сеть продажи прессы¹⁴¹), изучив соотношение его доходов и трат (в частности, факт аренды апартаментов в доме типа люкс на ул. Ложье, 34¹⁴², и впоследствии несколько более скромных на ул. Сосье-Лерси, 10) полиция общей безопасности рекомендовала вновь применить к нему процедуру выдворения из страны. Для Борщака, пришедшего 29 июня в префектуру за продлением своего пребывания, сообщение о том, что до полуночи 6 июля он должен покинуть французскую территорию, стало жестоким ударом¹⁴³. Он был во второй раз за год выдворен из Франции и сумел вернуться туда из Бельгии лишь в декабре 1928 г. Скорее всего, ему не удалось поступить на службу в Сюрте Женераль – даже тайной полиции он показался слишком скользким и алчным авантюристом.

Илько Борщак – коммунист?

Наверняка даже после ознакомления с вышеизложенными документальными свидетельствами, немало читателей не согласятся с любой их однозначной трактовкой. И это правильно. Ведь и у самого Борщака впоследствии не было четкой позиции по этому вопросу. В письме к Н. Чубатому, члену Организации украинских националистов, он писал: «Я не коммунист, но...»¹⁴⁴ По-видимому, это «но» все же имело значение, поскольку своему ученику А. Жуковскому он заявил нечто прямо противоположное: «Да, я – коммунист и останусь им до конца!»¹⁴⁵

Если принять во внимание несоответствие Борщака таким формальным критериям, как членство в Коммунистической партии (большевиков) Украины, либо в ФКП, или же отсутствие у него советского гражданства (он продолжал пользоваться так называемым

¹⁴¹ Из письма одного из советских корреспондентов узнаем, что в Харькове «У.В. продаются уже в книжном магазине (сегодня видел и спрашивал даже, что же говорят»): Г. Лисенко – И. Борщак, 25 листопада 1926 р. - ВУЛАС. АВ. Воite 11. А. D. I 11 (26). F. 3.

¹⁴² Чтобы въехать в эту квартиру, Борщак заплатил 12000 франков отступного ее предыдущему арендатору. Это было его первое жилище с телефоном (номер Wagram, 58-68), что свидетельствует о расширении его связей: А. S. de Borschak Élie. 19 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98. F. 193-1.

¹⁴³ Préfet de police au ministre de l'intérieur, 29 juin 1928 – AN. CDG. FC. Dos. 19940434/98.

¹⁴⁴ И. Борщак – М. Чубатому, 3 квітня 1938 р. – ЦДАЗУ. Ф. 48. Оп. 1. Спр. 44. Арк. 1.

¹⁴⁵ Интервью у А. Жуковского Автор взял в г. Сарсель под Парижем в октябре 2002 г.

мым «паспортом Нансена»), то, конечно, Борщак не являлся коммунистом. Тот же вывод напрашивается при ознакомлении с отзывами разных спецслужб о его приспособленчестве и поиске им материальной выгоды от общественной роли большевика, то есть отсутствию у него устойчивых идеологических убеждений. Согласно записке, составленной в Сюрте Женераль, «Борщак производит впечатление одного из тех русских эмигрантов, для которых политика стала жизненным средством и которые, не имея никакого политического идеала, принимают линию поведения, обещающую наибольшую и наискорейшую пользу. Если его отвергла советская Украина, то можно с уверенностью сказать, что он вновь обратится к самостийничеству, с которого когда-то начинал»¹⁴⁶. В свою очередь, агент ОГПУ в Париже отзывался о Борщаке следующим образом: «По многим данным человек это ловкий, довольно способный журналист, но определенных политических взглядов не имеет»¹⁴⁷. В другом агентурном сообщении ИНО ОГПУ говорилось, что «с 1919 г. Борщак, по-видимому, не один раз менял свои убеждения»¹⁴⁸.

Однако, если руководствоваться свидетельствами тех же самых спецслужб про деятельный большевизм Борщака, то окажется, что он в той конкретной ситуации все же выступал именно как большевик: «Борщак Илья в полной мере проявил в многочисленных обстоятельствах свои симпатии к Советам и использовал свою активность и влияние на службе у Москвы»¹⁴⁹. И в справке, составленной управлением разведки французской полиции в 1945 г., Борщак охарактеризован как «писатель, бывший лидер украинских коммунистов»¹⁵⁰. Учитывая сознательный характер участия Борщака в организации украинской советской работы во Франции в 1925–1928 гг., а также его последующую, хотя и тщательно скрываемую ностальгию по тем временам, напрашивается именно такой же вывод.

Так являлся ли Илько Борщак коммунистом?

¹⁴⁶ A. S. Borschak Élie. Note d'un correspondant, 5 juillet 1928. F. 208.

¹⁴⁷ Донесение агента «Кобчика», 4 января 1935 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 6738. Т. 1. Арк. 15.

¹⁴⁸ Элиаз Борщак, С. Ш. 2, 1936 г. – ГДА СЗРУ. Ф. 1. Спр. 6738. Т. 1. Арк. 48.

¹⁴⁹ Note de renseignements sur Borschak Élie et Sevriuk Alexandre, 16 juin 1928. F. 213-1.

¹⁵⁰ Renseignements généraux en cours. BORSCHAK Élie. № 5 VI/1945 – APP. La direction des renseignements généraux et des jeux. Dossier 77 W art. 1756-99851.

REFERENCES

- Ададуров В.* Народження одного історичного міту: Проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Ілька Борщака // Україна модерна. Ч. 9. Київ, Львів, 2005. С. 212–236 [Adadurov V. Narodzennia odnogo istorytchnogo mitu: Problema «Napoleon i Ukraina» u vysvitlenni Il'ka Borschaka // Ukraina Moderna. Vol. 9. Kyiv, L'viv, 2005. S. 212–236].
- Ададуров В.* Украинский казак на службе Людовика XV, или польский шляхтич на службу двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике // Французский Ежегодник 2014. Москва, 2014. С. 269–305 [Adadurov V. Ukrainskii kasak na sluzbe Ludovika XV ili polskii schlahtitch na sluzbe dvuh korolei: dokumentalnaia dekonstrukcia issledovania I. Borschaka o P.-G. Orlike // Francuzskii Ezegodnik 2014. Moskva, 2014. S. 269–305].
- Борщак І.* Неймовірний закид. (Чи був О. Севрюк «подвійний агент»?) // Україна: українознавство і французьке культурне життя. Ч. 6. Париж, 1951. С. 454–460 [Borschak I. Neymovirniy zakyd. (Tchy був O. Sevriuk podviynyj agent?) // Ukraina: ukrainoznavstvo I francuske kulturne zytтя. Vol. 6. Paris, 1951. S. 454–460].
- Винниченко В.* Щоденник: у 4 т. Т. 3. Київ, Едмонтон, Нью-Йорк: Смолоскип, 2010 [Vynnytcenko V. Schodennyk: u 4 t. T. 3. Kyiv, Edmonton, New York: Smoloskyp, 2010].
- Гриненко О.* Матеріали газети «Тризуб» про розслідування вбивства С. Петлюри (1926 – 1928 рр.) // Український історичний журнал. Київ, 2009. № 3. С. 34–43 [Grynenko O. Materialy gasety «Trysub» pro rossliduvannia vbyvstva S. Petliury (1926 – 1928 rr.) // Ukrain'skiy istorytchniy zurnal. Kyiv, 2009. S. 34 – 43].
- Листи Ілька Борщака до Кирила Студинського / Вид. Г. Сварник // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 222. Львів, 1991. С. 375 – 391 [Lysty Il'ka Borschaka do Kyryla Studyn'skogo / vyd. G. Svarnyk // Sapysky Naukovogo tovarystva im. Schevcenka. T. 222. L'viv, 1991. S. 375 – 391].
- Adadourov V.* La création d'un mythe ukrainien sur Napoléon dans les travaux d'Élie Borschak et le fonctionnement de ce mythe dans le discours historique en Ukraine // Attentes et sens autour de la présence du mythe de Napoléon aujourd'hui / Direction de J.-D. Poli. Ajaccio, 2012. P. 89–96.

Gasquet S., de. L'affaire Petlura et la France // Bulletin de l'AFEU. Paris, 1999. № 1 (11). P. 2–4.

Tokary Tokrzewsky Karaszewicz J, de. Simon Petliura. Paris, 1927.

Ададуров Вадим

доктор исторических наук, профессор
Украинский католический университет,
79000 г. Львов,
ул, И. Свенцицкого 17
Украина
e-mail: vad@ucu.edu.ua

Vadym Adadurov

Dr. Hab. (History), professor
Ukrainian catholic university
79000 L'viv,
17 Ilariona Sventcickoho Str.
Ukraine
e-mail: vad@ucu.edu.ua
ORCID: 0000-0002-5749-4027